

КИТАЙ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ДНЕВНИКАХ
И.И. и А.Н. СЕРЕБРЕННИКОВЫХ, 1919—1934

КИТАЙ
И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В ДНЕВНИКАХ И.И. и А.Н.
СЕРЕБРЕННИКОВЫХ,
1919—1934

Том 1

«ПОКА ЖЕ МЫ СЧАСТЛИВЫ ТЕМ,
ЧТО НИЧТО НЕ УГРОЖАЕТ НАМ...»

Том 1

Hoover Institution on War, Revolution and Peace,
Stanford University

University of Notre Dame

Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)
Publishing House

Гуверовский институт войны, революции и мира,
Стэнфордский университет

Нотрдамский университет

Издательство

«Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

CULTURAL AND POLITICAL LIFE
OF RUSSIAN DIASPORA IN CHINA:
THE DIARIES OF IVAN
AND ALEKSANDRA SEREBRENNIKOV,
1919—1934

IN 5 VOLUMES
VOLUME 1

Compiled, annotated, and introduced
by Amir A. Khisamutdinov

General Editor: Semion Lyandres

Leaders of the Series
Russian Treasures of Hoover Tower:
Elena Danielson, Andrey Sorokin

General Editors of the Series
Russian Treasures of Hoover Tower:
Oleg Budnitskii, Terence Emmons

Moscow—Stanford
ROSSPEN
Hoover Institution Press
2006

КИТАЙ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В ДНЕВНИКАХ
И.И. и А.Н. СЕРЕБРЕННИКОВЫХ,
1919—1934

В 5 ТОМАХ

Том 1

«ПОКА ЖЕ МЫ СЧАСТЛИВЫ ТЕМ,
ЧТО НИЧТО НЕ УГРОЖАЕТ НАМ...»

Вступительная статья, подготовка текста,
биографический словарь и комментарии
А.А.Хисамудинова

Общая редакция С.М.Ляндреса

Руководители проекта
«Русские сокровища Гуверовской башни»
Елена Даниелсон, Андрей Сорокин

Под общей редакцией
Олега Будницкого, Теренса Эммонса

Москва—Стэнфорд

РОССИИ

Издательство Гуверовского института

2006

Modern Russian History Program
University of Notre Dame
Modern and Contemporary Russian History: Monographs and
Documents

Vol. 8

**Cultural and Political Life of Russian Diaspora in China:
The Diaries of Ivan and Aleksandra Serebrennikov,
1919–1934**

Vol. 1

Compiled, annotated, and introduced by Amir A. Khisamutdinov
General Editor: Semion Lyandres

Editors

S. Lyandres, University of Notre Dame (USA)
P. Tribunskii, Fine Arts Lyceum, Riazan' (Russia)
D. Wulff, German Academic Exchange Service (DAAD) / Voronezh
State University (Germany/Russia)

Editorial board

D.V. Anan'ich, St. Peterburg Institute of History, Russian Academy of
Sciences (Russia)
T. Emmons, Stanford University (USA)
G.M. Hamburg, Claremont McKenna College (USA)
M.D. Karpachev, Voronezh State University (Russia)
S. Mert, Universitat Bielefeld (Germany)
S.I. Mikhal'chenko, Briansk State University (Russia)
Iu.A. Petrov, Institute of Russian History, Russian Academy of
Sciences, Moscow (Russia)
A.B. Sokolov, Iaroslavl' State Pedagogical University (Russia)
A. Walicki, University of Notre Dame / Polish Academy of Sciences
(USA/Poland)

Программа по изучению новой и новейшей русской истории
Нотрдамский университет (США)
Новейшая российская история: исследования
и документы
Том 8

**Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и
А.Н. Серебренниковых,
1919–1934**

Том 1

**«Пока же мы счастливы тем, что ничто
не угрожает нам...»**

Вступительная статья, подготовка текста, биографический
словарь и комментарии А.А. Хисамутдинова
Общая редакция С.М. Ляндреса

Редакторы серии:

Д. Вульф, Немецкая служба академических обменов / Воронеж-
ский государственный университет (Германия / Россия)
С.М. Ляндрес, Нотрдамский университет (США)
П.А. Трибуцкий, Лицей искусств, Рязань (Россия)

Редакционный совет серии:

Б.В. Ананьич, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Россия)
А. Валицкий, Нотрдамский университет / Польская Академия наук
(США / Польша)
М.Д. Карпачев, Воронежский государственный университет (Россия)
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
С.И. Михальченко, Брянский государственный университет (Россия)
Ю.А. Петров, Институт российской истории РАН, Москва (Россия)
А.Б. Соколов, Ярославский государственный педагогический
университет (Россия)
Г.М. Хамбург, Колледж Клермонт-Маккена (США)
Т. Эммонс, Стэнфордский университет (США)

**К 45   Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Се-
ребренниковых. В 5 т. Том I: «Пока же мы счастливы тем, что
ничто не угрожает нам...» (1919–1934) / Гуверовский ин-т
революции, войны и мира; Предисл. М.Раева (англ.); Сост.,
вступительная статья, подготовка текста, биографический
словарь и комментарии А.А.Хисамутдинова; Общая редакция
С.М.Ляндреса. – (Новейшая российская история: иссле-
дования и документы). – М.: «Российская политическая эн-
циклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 448 с., ил. – (Русские со-
кровища Гуверовской башни). – Парал. загл. англ.**

В предлагаемой читателю книге впервые наиболее полно и достоверно от лица очевидцев рассказывается о жизни русских общин в Харбине, Пекине, Тяньцзине, Мукдене и других городах Китая. В ежедневных записях детально обрисованы бытовые сцены, тщательно анализируется политическая обстановка в Китае, имеются наблюдения по китаеведению и экономике страны. Дневники также содержат много сведений о деятельности русских общественных организаций и церкви, характеристики их деятелей. Все это придает изданию энциклопедический характер.

© А.А.Хисамутдинов, 2006

© С.М.Ляндрес, 2006

© Д.Вульф, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2006

© С.М.Ляндрес, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2006

© П.А.Трибунский, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2006

© М.И.Раев, предисловие, 2006

© «Российская политическая энциклопедия», 2006

ISBN 5-8243-0690-7

ISBN 5-8243-0783-0

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Несмотря на то что мемуары и дневники носят субъективный характер, они являются важными источниками в понимании исторических процессов российской эмиграции. Особый интерес для историков и других исследователей представляют дневники. В отличие от мемуаров, которые могут быть переписаны в соответствии с тенденциями и требованиями другого времени, дневники полностью сохраняют не только впечатления от прожитых дней или пережитых событий, но и множество бытовых деталей.

Анализ истории российской эмиграции на Дальнем Востоке показывает, что лишь единицы выходцев из России регулярно вели дневники, поэтому до нашего времени такие материалы дошли в очень небольшом количестве. Стоит поэтому приветствовать те попытки, которые предпринимаются для издания сохранившихся дневников, для ознакомления с ними широкого круга читателей, в частности, недавнюю публикацию дневников П. В. Вологодского¹. Сейчас на очереди — дневники супругов Серебренниковых: Александры Николаевны и Ивана Иннокентьевича. Публикуемые материалы находятся в их собрании, хранящемся в архиве Гугеровского института. Все дневники Серебренниковых находятся в удовлетворительном состоянии².

Свой первый дневник И. И. Серебренников вел в 1912—1918 гг., но при переезде семьи в Китай он был оставлен в Иркутске³. А. Н. Серебренникова начала ведение первого эмигрантского дневника в 1920 г. — он начат с описания последних дней пребывания в Иркутске и продолжается уже в Китае⁴. В этом дневнике имеются некоторые новые материалы, которых нет в опубликованных вос-

¹ Ссылки на литературу см. в разделе «Избранная библиография».

² Дневники хранятся в Hoover Institution Library and Archives (HILA), Serebrennikov I.I. Collection: коробка (ms box) 1: папка (folder) 1 (1920), папка 2 (1920—1939), папка 3 (1931—1932), папка 4 (1932—1933), папка 5 (1933—1934); коробка 1А: папка 1 (1934—1935), папка 2 (1935—1936), папка 3 (1936—1937), папка 4 (1937—1938), папка 5 (1938—1939); коробка 2: папка 1 (1939—1940), папка 2 (1940—1941), папка 3 (1941—1942), папка 4 (1943—1944); коробка 3: папка 1 (1945), папка 2—3 (1945—1946), папка 4 (1946); коробка 4: папка 1 (1947—1948), папка 2—3 (1948), папка 4 (1948—1949), папка 5 (1949—1950), папка 6 (1950—1951), папка 7 (1954—1955); коробка 4А: папка 1 (1955), папка 2 (1955—1956).

³ ГАИО. Дневник 1 (2 авг. 1914 — 25 янв. 1915). 144 л.; Дневник 2 (26 янв. 1915 — 23 авг. 1915). 120 л.; Дневник 3 (23 авг. 1915 — 18 окт. 1915). 44 л.; Дневник 4 (19 окт. 1915 — 10 марта 1916). 93 л.; Дневник 5 (11 марта 1916 — 16 сент. 1916). 119 л.; Дневник 6 (19 сент. 1916 — 26 янв. 1917). 72 л.; Дневник 7 (27 янв. 1917 — 4 мая 1917). 91 л.; Дневник 8 (5 мая 1917 — дек. 1917). 120 л.; Дневник 9 (дек. 1917 — 12 июля 1918). 90 л.; Продолжение дневника 9. (Сведения получены от Д. Я. Майдачевского).

⁴ Серебренникова А. Н. С чехами от Иркутска до Харбина: Дорожные записки // Серебренников И. И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920—1924). Тяньцзинь: Наше знание, 1940. С. 219—260.

поминаниях А.Н.Серебренниковой о бегстве из России. В частности, в нем содержатся имена лиц, которые остались на родине и которых Серебренниковы всегда стремились оградить от неприятностей. Также в данной рукописи имеется перевод с чешского языка поэмы К. Гавличка «Крещение Св. Владимира», шуточная стихотворная пародия на соседей по вагону и др.

Как и подавляющее число русских эмигрантов, Серебренниковы поначалу верили, что советская власть скоро падет, и они смогут вернуться на родину. Вероятно, по этой причине Иван Иннокентьевич не вел дневников до 1931 г. Надо отметить, что во втором томе «Воспоминаний» И.И.Серебренникова (1940) почти не использовались подневные записи, публикуемые в данном издании. Информация о публиковавшихся ранее записях, разночтениях и дополнениях, содержится в соответствующих комментариях.

Подневные записи 1932–1937 гг. И.И.Серебренников вел собственноручно, четким и разборчивым почерком. Позднее, после того, как его разбил паралич, записи делались корявыми, похожими на клинопись буквами. С 1947 г. Иван Иннокентьевич сам в дневник почти ничего не записывал: под его диктовку или по черновикам дневник вела жена. Затем в ведении дневника вновь наблюдается небольшой перерыв, потом записи возобновляются вплоть до 1955 года.

Как по объему информации, так и по временному периоду, охваченному подневыми записями, дневники Серебренниковых представляют огромный интерес. В них можно найти всевозможную информацию о жизни и деятельности русских эмигрантов: от бытовых сведений, таких как стоимость жилья и уровень заработной платы, проблемы отцов и детей и русской проституции в Китае, до причин репатриации и идеологических провалов российской эмиграции. Тщательно и подробно описывают Серебренниковы и китайские события, свидетелями которых они были: междоусобные конфликты, становление коммунистического режима, влияние СССР, Японии, США и других стран на Китай. Некоторые черновые записи, сделанные в дневнике, являлись набросками будущих работ.

И.И.Серебренников живо интересовался новостями с родины, которой он считал Россию, но не СССР. Ненависть к коммунистам проходит красной нитью через все записи обоих супругов. Этим объясняются и их антиеврейские настроения. По мнению Серебренникова, многие евреи – выходцы из России – поддерживали коммунистический режим из-за того, что СССР продекларировал равенство национальностей.

Страницы дневников заполнены высказываниями, подчас весьма откровенными, в отношении лидеров эмиграции, имеются в них и критические замечания в адрес японских оккупационных властей. «Я вымарал оттуда все те места, – писал Иван Иннокентьевич в октябре 1946 г., – в коих содержались неблагоприятные для японцев отзывы. Возможно, я спаникерствовал... Так или иначе, я все же несколько обескровил свои дневники. Я боялся, что японцы могут обратить особое внимание на журналистов (я причислял себя к таковым), как возможных свидетелей их деяний, и притом таких, которые могут со-

бирать соответственные материалы и будут в состоянии в будущем их опубликовать. Однажды один русский эмигрант, служивший здесь в японской жандармерии, сообщил мне, что его начальник спрашивал:

– А что делает сейчас Серебренников? Что он пишет?

Кажется, этот эмигрант ответил начальнику жандармерии в том смысле, что этот Серебренников интересуется всего больше в данное время древней историей Китая...

За последнее время, когда однажды по Тяньцзиню прошел слух, что наш город будет занят советскими войсками, я стал думать, что мне надо будет мои дневники куда-то спрятать, или, в крайнем случае, вымарать из них все те места, где я выражался неблагоприятно о большевиках, о коммунистах вообще, о Сталине и иже с ним [...]»¹

К счастью, советские войска в Тяньцзинь не пришли, и дневники сохранились в целости и неприкосновенности. Свидетельством того, что Серебренниковых беспокоили последствия, которые могли иметь их дневниковые записи, являются зачеркивания отдельных фраз, строк или целых абзацев. В этих случаях публикаторы сочли нужным дать соответствующие пояснения.

Необходимость покинуть Китай заставила Серебренниковых – детей у них не было – задуматься о сохранности своего наследия. Неожиданно они получили согласие Гуверовского института войны и мира взять их архив на хранение. После некоторого раздумья решение было принято, и 6 июня 1946 г. в дневнике появились следующие строки: «Все же, наряду с грустью, мы с женой почувствовали и облегчение, отправив свой архив: мы знаем теперь, что все труды наши, плод многолетней работы, все, что наполняло нашу жизнь, не затеряется, не пропадет и сохранится... я написал профессору [Г.Фишеру], что мой личный архив должен храниться в Америке до прекращения коммунистической диктатуры в бывшей России, после чего должен быть переслан в распоряжение Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в Иркутске»².

Передача архива проходила несколькими этапами. Лейтенант корпуса морских пехотинцев Роберт Э.Вольф, который брал уроки у А.Н.Серебренниковой, в апреле 1946 г. увез в Гуверовский архив 13 книг дневников, одну книгу со статьями и стихами А.Серебренниковой и ящик писем³. В июне 1947 г. через Американский экспедиционный корпус Серебренниковы отправили оставшуюся часть архива и биб-лиотеки.

Последняя запись И.И.Серебренникова датируется 1 мая 1951 г. Его жена боялась, что при очередном обыске эти дневники могут послужить уликой при обвинении в «шпионской деятельности», и ведение дневника прекратилось. Впоследствии она очень сожалела, что приняла такое решение. В результате остается неизвестным, как провел Серебренников последние два года своей жизни.

Состояние документов в целом удовлетворительное. В то же время они несут следы многолетнего пользования, т.е. имеют характерный

¹ HILA. Serebrennikov I.I., box 3, folder 1.

² Там же.

³ HILA. Serebrennikov I.I., box 3, folder 2. Дневник, запись от 2 апр. 1946.

для большинства выдаваемых исследователям документов вид усталости. При этом нужно отметить, что сохранность дневников резко ухудшится с начала 40-х годов из-за плохого качества бумаги.

Подневные записи Серебренников вел, как правило, в хронологической последовательности в одной тетради, разлинованном журнале или блокноте (разного формата). Когда одна тетрадь заканчивалась, начиналась новая (в подобных случаях *перед* первой фразой дается ссылка на соответствующую коробку и папку). Почти каждая из них имела типографский экслибрис: «Личный архив А.Н. и И.И. Серебренниковых. Подлежит отправлению в Сибирь на хранение в музей Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в Иркутске»¹. Нумерация листов производилась Серебренниковыми.

Настоящие дневники публикуются полностью, без каких-либо сокращений и изъятий. Исключением являются статьи и иные публикации, вклеенные в дневник его владельцем, — они имеются в каждой книге дневников. Ориентировочно планируется издать пять томов. Отбор подневных записей для 1-го тома обусловлен хронологической последовательностью сохранившихся дневников и их объемом.

Так как Иван Иннокентьевич и Александра Николаевна Серебренниковы в отдельные периоды вели одновременно записи в разных книгах, то решено свести их воедино. В примечаниях отмечается авторство. Среди прочего это обстоятельство позволяет наблюдать различия в передаче событий, в их оценке каждой из сторон. Также в примечаниях отражены случаи, когда от имени И.И.Серебренникова подневные записи велись его женой.

Тексты дневников публикуются по современным правилам орфографии, с сохранением стилистических особенностей авторов. Сохранена и авторская пунктуация, если только она не противоречит современным нормам. Исключением является лишь многоточие: И.И.Серебренников использовал его в своих дневниках очень часто, поэтому решено было в некоторых местах заменить многоточие точкой. Явные орфографические и пунктуационные ошибки и опiski, очевидные искажения в написании имен, фамилий, дат и населенных пунктов, общественных организаций и учреждений исправлялись без оговорок. Унифицировано употребление прописных и строчных букв, как-то: *Белая армия, Красная армия, но белая эмиграция*. В то же время оставлены характерные для И.И.Серебренникова заглавные буквы в названиях периодических изданий или организаций. То, что мешает правильной смысловой трактовке, обязательно оговаривается в комментариях или по тексту с указанием «так у автора» или «так в тексте». Сокращения отдельных слов, имен, фамилий и пр. вос-

---

¹ Основан 17 ноября 1851 в Иркутске как Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ИРГО). В 1877 в связи с образованием Западно-Сибирского отдела ИРГО в Омске переименован в Восточно-Сибирский отдел ИРГО, при котором открыли музей и библиотеку. В советское время фонды перешли в библиотеку краеведческого музея, Иркутского госуниверситета, мединститута, Академии народного хозяйства, Бурятского института культуры, Иркутского научного центра Сибирского отделения Академии наук, Госархива Иркутской области и др. собрания.

полнены и заключены в квадратные скобки. Это относилось даже к тем словам, которые обычно не раскрываются, например, упоминаемое перед фамилией звание (*ген[ерал]*) или *K[итайская] В[осточная] Ж[елезная] Д[орога]* и т.д. В некоторых случаях оставлены и авторские примечания, но в каждом случае они оговаривались. Все примечания, не имеющие указания на авторство, принадлежат составителю.

Примечания даются постранично. Сведения о тех или иных организациях, обществах или событиях приводятся при их первом упоминании в тексте и далее, как правило, не повторяются. В случае, когда требуется упоминание дневниковых записей, дата указана курсивом. С целью более широкого описания политических событий в комментариях цитируется периодика тех лет.

Издавая дневник Серебренниковых, публикаторы преследовали цель дать как можно более полный комментарий. Он ведется по трем основным направлениям: 1) расшифровка неясных частей дневника; 2) краткое пояснение к событиям, организациям, периодическим и научным изданиям; 3) биографии лиц, упомянутых Серебренниковыми в дневнике. Для подготовки комментария помимо фондов Гуверовского института были использованы собрания Гавайского (Гонолулу) и Калифорнийского (Беркли) университетов, а также российские коллекции. В 1945 г. СССР вывез из Харбина архив Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии, который ныне находится в Государственном архиве Хабаровского края. Кроме него использовались фонды Государственного архива Российской Федерации. Материалы для комментариев извлекались как из эмигрантских источников и литературы, так и из более поздних публикаций. Сложность этой работе придавало то, что наряду с известными событиями и личностями А.Н. и И.И. Серебренниковы отмечали в своих записях и людей, сведений о которых найти так и не удалось.

Как правило, имена собственные давались в современной транскрипции без особой о том оговорки. В некоторых случаях публикаторы оставляли написание, принятое в те годы: *Хувер* – *Гувер*, *Хитлер* – *Гитлер*, но *Станфордский*, а не *Стэнфордский* и т.д. Отметим, что Серебренниковы были непоследовательны в транскрипции китайских собственных имен. Например, одно и то же имя в разных записях может быть записано по-разному. Поэтому решено давать их в едином варианте, который приводится в биографическом приложении. В текстологических примечаниях эти изменения даются лишь в самых необходимых случаях.

В приложениях дан лист псевдонимов И.И.Серебренникова и список сочинений А.Н. и И.И. Серебренниковых, который является неполным¹. Предполагается в последнем томе поместить полный список работ, включая газетные публикации.

Книга имеет научно-справочный аппарат, включающий в себя историко-археографическое введение, краткий биографический очерк с анализом работ авторов дневников, биографические справки, список сокращений, библиографию, примечания, которые составле-

---

¹ НИА. Serebrennikov I.I., box 3. 15. (Библиогр. материалы И.И. Серебренникова.)

ны профессором Амиром Хисамутдиновым. Контрольная вычитка и редактирование осуществлено Натальей Соловьевой. Предисловие на английском языке написано профессором Марком Расвым. Общая редакция, руководство подготовкой настоящего выпуска и координация проекта проведены С.М.Ляндресом.

Составители считают своим долгом поблагодарить директора Гуверовского архива и библиотеки д-ра Елену Даниельсон, старшего архивиста Гуверовского архива Линду Бернард, русского библиографа Гавайского (Гонолулу) университета Патрицию Полански и профессора того же университета Джона Стефана, славянского библиографа библиотеки Гуверовского института Молли Моллой и директора Государственного архива Иркутской области Д.Я.Майдачевского.

PREFACE

«RUSSIA ABROAD» which emerged from revolution and civil war in the early 1920s contained many «provinces». One of the largest in size, but relatively as sparsely populated as its domestic counterpart in Russian Asia, was in the Far East – Manchuria (with its center in Kharbin) and China (primarily in Shanghai, Tientsin, Peking/Beijing). This «province» has received much less attention from scholars than those in Europe and North America. Many factors account for this state of affairs; fortunately, however, in recent times we have seen a most welcome change as the attention of students of the Russian emigration has increasingly been turned to the history and cultural attainments of the Far Eastern «province» of RUSSIA ABROAD. At the same time, work on the emigration is shifting its focus from outstanding personalities to such topics as the exiles' existential predicaments, their relations with host societies, and their efforts at preserving, and transmitting their cultural identity.

It is particularly difficult to reconstruct the émigrés' daily existence, to assess its nature, and the extent of its impact on their social and psychological fabric. The reasons for the difficulty are not far to seek: their struggle for bare survival absorbed all forces and energies; awareness of cultural isolation and raw exposure to the repercussions of political, economic, and social events taking place in the countries of asylum and the world at large – all made for an ever present psychological pressure that monopolized their full attention and time. Little wonder that émigrés had rarely the will and leisure to engage in self reflection, let alone keep diaries and records of their daily challenges and thoughts. Altogether these circumstances give particular value to the few surviving specimens of diaries and intimate papers. It is, therefore, particularly fortunate that the personal archives of the Serebrennikov couple have been preserved at the Hoover Institution, so that their diaries may now be published. These records are unusual in that they give direct access to the circumstances and life of those Russians who found themselves in emigration in the totally strange and alien social and cultural milieu of China.

The present volume opens with the diary entries made by Anna N. Serebrennikova in the course of the several months long railway journey that, in the accompaniment of a Czech quartermaster unit, she and her husband made as they were evacuated from Irkutsk to Kharbin on the Transsiberian railroad in 1920, to elude the Bolshevik take-over of Siberia in the course of the civil war. The diary complements the Memoirs (*Vospominaniia*), covering the years of revolution and civil war, A.N. Serebrennikova published in Tientsin in 1940. It is a harrowing record of the hardships and anxieties of evacuation, and it also throws fascinating light on the psychological reactions of both Czechs and Russians to the circumambient political turmoil.

Unfortunately, Ivan I. Serebrennikov started making daily entries of his activities and thoughts only at the beginning of 1932. The present publication brings the diary up to mid-1934. Hopefully, the subsequent entries will be published soon. This Preface is not the place for a description of the background and biography of I.I. Serebrennikov as a member of the pre-revolutionary intelligentsia, of his political engagements in Russia and Siberia until emigration, the polymath character of his varied scientific and paedagogic labors. Dr. A.A. Khisamutdinov, the editor of the volume, has done all of it in masterly fashion in his informative Introduction. I shall content myself with pointing out some of the diary's features which, to my mind, may be of particular interest to the historian as well as the general reader.

I.I. Serebrennikov records the daily events that came to his notice in Tientsin, as well as the specific circumstances of émigré life there, noting in particular all contacts with fellow exiles. Naturally, his perspective is defined and dominated by the very fact of emigration. It means, in the first place, that the alpha-and-omega of his perceptions is an unconditional and total rejection of the bolshevist dictatorship. This in turn leads to a number of «pre-judices» (in the literal sense of judgments made in advance of deliberation or examination) involving negative opinions on such issues as, for example, the presence and activities of Jews, the diplomatic recognition of the USSR, and the expressions of uncritical anti-fascism and sovietophilia of Western intellectuals.

Fortunately, Serebrennikov is so absorbed in his own existential problems that these «prejudices» come to the fore but rarely in those years. Unlike their fellow emigres in Europe, for instance, the Russians in China never showed a deep interest in, let alone involvement with, the society of the land of asylum. It would seem that their outside human contacts were reduced almost exclusively to Westerners living in the foreign concessions of Tientsin and other Chinese towns. Only occasionally do we find Serebrennikov mentioning direct contacts – on a more or less reciprocal basis – with Chinese individuals. It is difficult to escape the conclusion that the Russians felt and behaved much like members of an imperial society in a colony. And yet, theirs was a situation of such total powerlessness that it only could embitter them and arouse their scorn towards the Chinese among whom they had to live. Little wonder that Serebrennikov was at a loss in formulating his own position with respect to the Japanese invasion and the political confusion – not to say chaos – prevailing in China.

Such attitudes also largely explain, to my mind, Serebrennikov's ignorance or incomprehension of what is going on in the world at large; a striking example was his dismay at the effects of the Great Depression on his dealings with American scholars and academic institutions. True, his access to newspapers was limited, almost exclusively, to the Russian language press, that is a press both narrowly self centered and poorly informed. Rumors provided the lion's part of the information accessible to Serebrennikov and his fiends. But these very limitations are extremely important and interesting. In retrospect, we tend to forget about them when we analyze and reflect upon attitudes as they were experienced at the time.

Quite naturally, under the circumstances, Serebrennikov and his friends felt overwhelmingly isolated and homesick. It required little to trigger outbursts of pessimism, discontent, and despair – the conviction that all good and happiness were lost forever. This intellectual and psychological atmosphere should never be forgotten whenever we deal with emigration and exile as historical phenomena. And, as we now know, alas, waves of emigration and persecution leading to flight and exile have dominated the history of the Twentieth century.

Yet, despite this ever present gloomy atmosphere, the Serebrennikovs – like so many of their fellow intellectual émigrés – did not remain idle. Both husband and wife were immersed in paedagogical work (private lessons were a mainstay of their budget). Serebrennikov actively collected books and journals, set up bookstores and libraries. He acted as agent for the Russian Historical Archive Abroad (*Russkii zagranichnyi istoricheskii arkhiv*) in Prague and the Hoover Library, identifying and acquiring documents and private archives, as well as memoirs. His diary entries give much information on individuals, associations, and institutions of the Russian émigré community, as well as on their organizational problems and squabbles. He established contacts with newspapers and journals to find an outlet for his own manifold and copious literary and scholarly activities. He records details of his research interests in the fields of the cultural and economic life in China, Mongolia, and Central Asia. In his diary he frequently copied out some of his documentation and described his current or planned research projects. Homesick and longing for a return to his native Siberia, Serebrennikov turned into an ardent «regionalist» (*oblastnik*), making studies and plans of research in support of the eventual autonomous existence of this vast and richly endowed with resources subcontinent. Of more immediate concern were his plans and preparations for a comprehensive history of the dispersion of Russia across the Far East and Central Asia in the course of the civil war. Some of the documentation he assembled for his well-nigh «imperial» project has been preserved in his archives at the Hoover Institution – it would repay close examination by future researchers on Russian Asia.

We gather from the diaries published here that, in spite of all subjective and objective hardships, I.I. and A.N. Serebrennikov enjoyed a full productive life. They endeavored to preserve and transmit the fruits of their own intellectual creative energies; and they were critical witnesses of the events and circumstances surrounding the life of the Russian émigré community in China. In editing the diary Dr. A. Khisamutdinov has not only made available an original historical source for both professional historians and curious laymen, but he has also enhanced its usefulness by his Introduction, an invaluable biographical index of the many individuals with whom the Serebrennikovs were associated, and a comprehensive bibliography. We are much indebted and grateful to both author and editor.

Marc Raeff
Bakhmeteff Professor (em.) of Russian Studies
Columbia University

Александра Николаевна и Иван Иннокентьевич Серебренниковы

Биографический очерк

Они не имели университетского образования, но обладали разнообразными способностями. Оба интересовались политикой и общественной деятельностью, хотя и не отличались радикальными взглядами. У него была склонность к научному и литературному труду, но работы, вышедшие из-под его пера, ничем не выделялись из ряда других. Они были обычными людьми, и в другое время их вряд ли бы назвали выдающимися личностями. Но противоречивая и трагическая эпоха, исковеркавшая их судьбу, выделила их из тысяч им подобных и сделала единственными в своем роде. Иван Иннокентьевич и Александра Николаевна Серебренниковы стали поистине летописцами эмиграции. Из множества работ, которые они оставили после себя, — по истории Гражданской войны, экономике, китаеведению, литературоведению — главными являются дневники. Супруги Серебренниковы вели их в течение всей своей жизни, и по этим записям можно составить не только уникальную хронику трагической жизни российской эмиграции, но и увидеть глазами иностранцев процессы, происходившие в Китае в первой половине XX века.

Родом из Сибири. В течение всей своей жизни Серебренниковы гордились тем, что они — сибиряки, иркутяне. Иван Серебренников родился 14 июля 1882 г. в селе Знаменском Илгинской волости Верхотенского уезда Иркутской губернии. Получив начальное образование в сельской школе, он поступил в Иркутскую губернскую классическую гимназию. Это был любознательный и пытливый мальчик. «По воскресеньям, — писал он, — я любил забираться в музей Географического общества, где часами рассматривал разного рода интересные предметы и коллекции. Здесь же я иногда слушал какую-нибудь интересную лекцию»¹.

Несожиданно для себя гимназист Ваня Серебренников написал рассказ «Праздник», который напечатали в 1901 г. в иркутской газете «Восточное обозрение». Это и стало началом его литературной деятельности, которая продлилась почти полвека.

Окончив гимназию с серебряной медалью, Серебренников поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге, но учиться в ней ему не пришлось. В 1902 г. И.Серебренникова арестовали за участие в студенческой сходке и по приказу военного министра отчислили из академии. Он остался в Петербурге и в течение нескольких лет жадно

---

¹ HILA. Serebrennikov I.I. Collection, box 10.

впитывал столичную культуру. Позднее, когда он завел альбом автографов, почетное место в нем заняла визитная карточка, подписанная Л.Н.Толстым, и письмо Софьи Толстой с извинениями, что прием не состоится по причине болезни писателя.

Жизнь в политике. Вольный дух Сибири рано привел И.И.Серебрянникова в политику, и его арест в студенческие годы был не единственным. «В январе 1905 г., – вспоминал он, – я был арестован в селе Александровском Иркутского уезда по делу о побеге 15 политических каторжан из Александровской каторжной тюрьмы и был предан по этому делу суду, отбыв предварительное тюремное заключение в течение трех месяцев. В ночь на 1 января 1906 г., вместе с другими, я был арестован в Народном Доме, на Детской площадке в Иркутске, на собрании для встречи Нового года, и за участие в незаконном сборище был присужден в административном порядке к 3 месяцам тюремного заключения, которое и отбыл в двух тюрьмах: в Иркутской губернской и Александровской центральной. В апреле 1906 года я был выслан из Иркутска с запрещением жить во всех уездах, прилегающих к Сибирской ж[елезно-]д[орожной] магистрали и находящимся на военном положении»¹.

Апрель 1907 г. стал знаменательным для И.И.Серебрянникова: он женился на Александре Петровой, которая сыграла огромную роль в его жизни, став другом и помощницей до конца дней. Александра Николаевна родилась 15 марта 1883 г. в Маче, главном центре Олекминской системы Ленских золотых приисков: ее отец был управляющим одного из них. Впервые они встретились друг с другом в Иркутске, где Александра снимала комнату у Е.П.Сахаровой², у которой раньше жил Серебрянников и которая, по его словам, «как бы заменила ему мать»³. В 1902 г., окончив женскую гимназию в Иркутске, девушка стала работать учительницей русского языка, пока в 1904 г. не поступила в Психоневрологический институт в Санкт-Петербурге. Интересы Александры не ограничивались учебным материалом: она заинтересовалась восстанием ссыльных поляков на Кругобайкальской железной дороге и почти все свободное время проводила в публичной библиотеке. Зная польский язык, она использовала и польские источники.

И.Серебрянникова вскоре после женитьбы арестовали в Петербурге за участие в военно-писарском союзе партии эсеров, и ему пришлось отбыть шестимесячное одиночное заключение в знаменитых «Крестах». В 1908 г. Иван Серебрянников был выслан из столицы в Вологодскую губернию под гласный полицейский надзор. Перейдя на нелегальное положение, он вернулся с женой в родной Иркутск. Позднее, даже в своих дневниках, Серебрянников обходил тему своего членства в политических партиях.

Краеведение. Любовь к родному краю, желание лучше узнать его историю, интерес к своим корням привели И.И.Серебрянникова к

¹ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 3.

² НИЛА. Serebrennikov I.I., box 15 (А.Н.Серебрянникова: Биограф. очерк).

³ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 15 (Биограф. и библиограф. материалы И.И.Серебрянникова).

увлечению краеведением. В начале 1911 г., когда отменили его ссылку, в столичных и сибирских газетах стали появляться статьи и рассказы И.Серебренникова по сибиреведению и экономике края. Особенно много он печатался в иркутской «Сибири». Александра Николаевна редактировала работы мужа, занималась педагогической деятельностью, вела раздел «Журнальное обозрение» в газете «Сибирь» и публиковала библиографические статьи. В этот период она подготовила к печати свою большую работу «Восстание поляков за Байкалом в 1866 г.»

В 1912 г. вышла из печати первая большая книга Серебренникова — результат его экспедиции по изысканию Ленской железной дороги, прообраза будущего БАМа¹. В 1913 г. Иркутская городская дума избрала его на пост городского секретаря, а в 1915 г. командировала в Москву для участия во Всероссийском съезде городов, земств и кооперативов, созванном для обсуждения продовольственного вопроса. По постановлению Иркутской думы доклад Серебренникова на этом съезде отпечатали отдельным изданием. На эти же годы пришлось его участие в деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В то время именно отделы РГО несли всю тяжесть региональных исследований. Действительные члены Географического общества, в том числе и Серебренниковы, совершали интересные экспедиции, собирали уникальные коллекции, публиковали научные отчеты. Энтузиазм помогал местным краеведам добиваться выдающихся результатов в изучении родного края. Не являясь профессиональными учеными, они внесли огромный вклад в науку. Результатом исследовательской работы И.И.Серебренникова стало издание ряда трудов². В 1915 г. его избрали правителем дел старейшей научной организации Сибири, и он остался предан ей всю свою жизнь. Позднее, в эмиграции, на всех его книгах, рукописных тетрадях и папках появился экслибрис «Личный архив А.Н. и И.И.Серебренниковых. Подлежит отправлению в Сибирь, на хранение в Музей Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества»³.

---

¹ Серебренников И.И. Записка об экономическом положении района железной дороги Иркутск—Жигалово (Устьилга), вероятном грузообороте этой жел. дороги и о продолжении ее до г. Бодайбо / Сост. И.И.Серебренниковым под ред. Комиссии для собирания сведений по вопр. об Иркутск.-Ленской ж.д.; Иркут. гор. обществ. управление. Иркутск: Паров. тип. И.П.Казанцева, 1912. — 303 с. (разд. паг.): 1 карта; Он же. К вопросу о Ленской железной дороге: (Отзыв о труде А.Е.Богдановского «Ленская дорога и ее экономическое значение»). Иркутск: Паров. тип. И.П.Казанцева, 1912. — 25 с. и др.

² Серебренников И.И. О старинных домах и церквях в Иркутской губернии // Сиб. архив. Иркутск, 1912. № 4. С. 273—296; Он же. Первоначальное заселение Иркутской губернии: (Материалы к истории Иркут. губ. и г. Иркутска) // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1915. Т. 44. С. 196—224; Он же. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. Иркутск, 1914. 80 с.; Он же. Иркутская губерния в изображении «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. Иркутск: Эл. - тип. «Т-ва М.П. Окунев и К^о», 1913. — 22 с.; Он же. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. Иркутск, 1915. — 11 с., 10 л. ил. и др.

³ Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания Библиотеки им. Гамильтон Гавайского университета / Предисл., пер. с англ. и науч. ред. А.А.Хисамутдинова. М.: Пашков дом (Рос. гос. б-ка), 2002. С. 151—152.

В те годы Серебренниковы увлеклись идеями сибирского областничества. Прежде всего сибиряки возражали против того, чтобы Сибирь воспринималась метрополией как колония, сырьевой придаток. Протест вызывало и то, что Сибирь и Дальний Восток использовались как место ссылки и каторги. Правительство критиковалось также за недальновидную политику по обустройству жизни коренных народностей. И.И.Серебренников и его единомышленники ставили главной целью добиться автономии Сибири в рамках федеративной России.

Александра Николаевна Серебренникова, как и ее муж, обладала деятельной натурой. Будучи секретарем правления Общества общедоступных курсов, она организовала военные курсы, где читала для солдат лекции по русскому языку. В 1916 г., когда в Иркутске прошло совещание по вопросу открытия в городе университета, секретарскую работу поручили А.Н.Серебренниковой. В 1917 г. наряду еще с двумя женщинами ее избрали гласной Иркутской городской думы.

Революция и Гражданская война. Октябрь 1917 г. подвел черту под мирным периодом жизни иркутского губернского секретаря Серебренникова и его жены. Иван Иннокентьевич не разделял всеобщего воодушевления по поводу новых свобод. «Я ничего еще не мог решить, — вспоминал он позднее, — но какое-то смутное чувство тревожило меня и как бы подсказывало: быть худу! Я не скрываю, что до великой мировой войны я жил интересами русской революционной демократии, не разделяя, однако, ее экстремизма и не впрягая себя в ярмо какой-либо революционной партии: партийная жизнь, ее навыки и слепая дисциплина всегда претили мне»¹. Уже с первых дней после революции И.И.Серебренников крайне отрицательно относился к демагогическим высказываниям социал-демократов и большевиков. Тем не менее короткое время он был членом партии социал-революционеров, которые, по его мнению, наиболее хорошо понимали нужды Сибири. Правда, вскоре он разочаровался в их идеях. Трезво оценивая свои возможности, он отклонил предложение занять место городского головы Иркутска, хотя и продолжал активно участвовать в областническом движении, видя в этом возможность усиления роли региона.

Свидетельством авторитета Серебренникова на этом поприще стало избрание его министром в Сибирском правительстве. «[...] Раз судьба предоставляет мне случай, — писал он, — принять активное участие в антибольшевистской борьбе, этот случай упускать не следует, к этому обязывает чувство долга. К тому же, может быть, мое пребывание в Омске усилит умеренное направление политики правительства. Человек я свободный, ни от каких партий не завишу и буду работать в правительстве так, как подскажет мне моя совесть»². Надо отметить и еще одну черту Серебренникова — он никогда не стремился к власти. Г.К.Гинс писал: «Несмотря на всегдашнюю скромность и стремление ступешваться, видную роль в истории Омской власти сыграл и

---

¹ Серебренников И.И. Мои воспоминания: В 2 т. Тяньцзинь, 1937–1940. Т. 1: В революции (1917–1919). Тип. «Star Press», 1937. С. 11.

² Серебренников И.И. Мои воспоминания... Т. 1. С. 111.

Иван Иннокентьевич Серебренников [...] Человек очень умеренных и трезвых взглядов, он занял в составе Омской власти позицию уравновешивающего и примиряющего центра»¹. Затем последовало назначение на ту же должность в правительстве А.В.Колчака. Но уже вскоре скромность, стремление держаться в стороне от суетящихся политиков, отсутствие всякого желания выступать с демагогическими идеями заставили Серебренникова отказаться от политической карьеры.

Летом 1918 г. помощник начальника Монголекса А.А.Дудукалов предложил И.И.Серебренникову заняться исследованием хозяйственной деятельности бурят, которое было закончено в Чите в 1919 г. и опубликовано спустя еще шесть лет². В предисловии к работе Серебренникова сибиревед Н.Н.Козьмин писал, что она носит компилятивный характер. На самом деле автор заново переработал статистические сведения, собранные предшественниками, впервые ввел в научный оборот документы переписи 1897 г., а также цифровые материалы 1916–1917 гг., провел большой самостоятельный анализ.

В 1919 г. Серебренниковы работали в штабе Иркутского военного округа, занимались изданием газеты «Великая Россия», где опубликовали немало статей. Иркутский переворот 1920 г. заставил супругов покинуть любимую Сибирь, бросив архив и личную библиотеку по сибиреведению в две тысячи томов. Позднее И.И.Серебренников напишет: «20 января [1920] был днем моих именин, и в этот день я получил подарок, каковой назывался: изгнание из родины. Какой еще подарок мог быть горше этого?..»³ Во время вынужденного путешествия из России в Китай в чешском вагоне А.Н.Серебренникова вела дневник, который впоследствии был опубликован⁴.

В Харбине. В Китай Серебренниковы присхали 19 марта 1920 г. почти без гроша, но с твердым желанием продолжить любимое дело — изучение Сибири и окрестных земель. Как и десятки тысяч других беженцев со всей России, оказавшихся в Харбине, супруги пытались найти ответы на вопросы, чем заниматься на чужбине, как жить. Столица Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) была переполнена. Серебренниковы с трудом, только с помощью земляков-сибиряков смогли найти жилье и обустроиться на новом месте.

Как только бытовые проблемы уладились, Серебренниковы решили поближе познакомиться с Китаем и направились в Общество русских ориенталистов (ОРО). Одним из ведущих центров практического изучения стран Дальнего Востока Харбин стал задолго до того, как начал принимать русскую эмиграцию. Здесь занимались китас-

---

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории, 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Ом. правительства: В 2 т. Пекин; Харбин: Изд. О-ва возрождения в Харбине, тип. Рус. духов. миссии в Пекине, 1920. Т. 1, ч. 1: Большевизм. Областные правительства. Директория. Верховный правитель. Союзники. Заговорщики. Победители. Неизбежный конец. С. 114–115.

² Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Т. 1. Верхнеудинск: Бурмонголиздат, 1925. — 226 с.

³ Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1. С. 286.

⁴ Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина. Дорожные записки // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1940). Тяньцзинь: Наше знание, 1940. С. 219–262.

ведением, маньчжуроведением, экономикой Китая. Русские ученые, например, первыми исследовали Маньчжурию. В деятельности ОРО, учрежденного в 1908 г., преобладало научно-популярное направление. На смену тем, кто отошел во время Гражданской войны от научной работы, пришли бежавшие из Советской России эмигранты, в том числе известные востоковеды царской России. Новые члены Общества оживили его работу: чаще стали устраиваться собрания, на которых читались интересные лекции и доклады. Правда, библиотека ОРО в то время не могла удовлетворить запросы исследователей. «Мне казалось непонятным, — писал И.И.Серебрянников, — почему это научное общество за одиннадцать лет своего существования не смогло обзавестись научной библиотечкой, этим необходимым условием всякой научной деятельности. Неужели, думал я, КВЖД не могла бы помочь ученому Обществу? В таком богатом городе, как Харбин, Общество русских ориенталистов было, очевидно, на положении пасынка»¹. Тем не менее Иван Иннокентьевич сразу же вступил в члены ОРО, стал посещать заседания, а через некоторое время опубликовал свою статью в его журнале «Вестник Азии».

Первые лекции. В Китае И.И.Серебрянников продолжил экономические исследования и не раз выступал с докладами в Кружке экономистов, впоследствии преобразованном в Экономическое бюро КВЖД. Тогда же он написал две статистико-экономические работы: «Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири» и «Программы обследования животноводства в Монголии». Летом 1920 г. они были изданы в Харбине Монгольской экспедицией по заготовке мяса для действующей армии и дали супругам первый заработок на чужбине.

В марте 1920 г. в Харбине открылись Высшие экономико-юридические курсы, вскоре преобразованные в Юридический факультет. Среди лекторов нового высшего учебного заведения был и И.И.Серебрянников, читавший курс статистики. Как вспоминал он, «студенты-эмигранты были весьма усердными и аккуратными слушателями лекций. Казалось, люди, устав от всяких походов и войн, с огромным удовлетворением для себя уходили теперь в культурную работу, стремясь наверстать потерянное время»². Одновременно с чтением лекций Серебрянников публиковал краеведческие статьи и рецензии. Под псевдонимом «Старый харбинец» его материалы стали регулярно появляться на страницах газеты «Русский голос». Александра Николаевна не осталась в стороне от литературной деятельности мужа: она редактировала его работы и публиковала небольшие заметки в той же газете.

В апреле 1920 г. заведующий кооперативными курсами в Харбине Т.В.Бутов предложил И.И.Серебрянникову читать лекции по сибиреведению на Харбинских кооперативных курсах. «Предложение это я принял весьма охотно, — вспоминал Иван Иннокентьевич, — и в мае и июне месяцах прочел перед своими слушателями до двадцати лек-

¹ Серебрянников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 54.

² Серебрянников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 53.

ций. Материально эти лекции мне давали немного, что-то около 80 иен в месяц, но приносили большое духовное удовлетворение. Я себя чувствовал в этом деле в значительной степени пионером, зная, что мне не придется идти по проторенным дорогам и пользоваться чьим-либо другим курсом сибиреведения, а наоборот, необходимо будет проделать вполне самостоятельную работу в определении объема и содержания читаемого курса»¹.

Осенью 1920 г. лекции И.И.Серебрянникова вышли отдельным изданием². В предисловии к книге автор писал: «В своих лекциях я старался популяризовать накопившиеся за последнее время научные данные по вопросам сибиреведения, пользуясь преимущественно богатым материалом, который заключает в себе известное вышедшее в 1914 году издание Переселенческого управления “Азиатская Россия”. При пользовании этим материалом я вносил в него необходимые дополнения и изменения, устраняя некоторые вкравшиеся в него неточности и погрешности и освежая, где возможно, статистико-экономические данные. При конспективной форме изложения, лишившей меня возможности вдаваться в подробности, настоящий мой труд может рассматриваться как программа подробного курса сибиреведения, выдвигающего на первое место изучение вопросов сибирской экономики. Если мой труд в настоящее время, когда так много говорят о родине, сможет послужить целям родиноведения, я буду считать свою задачу выполненной»³.

Первую лекцию Серебрянников начал с краткого исторического очерка, а последнюю, 26-ю, закончил государственным устройством Сибири. Он также дал сведения о народонаселении Сибири. «Книга встретила в эмиграции отличный прием, — писал он. — Хорошие и лестные для меня отзывы о ней появились почти во всех русских эмигрантских газетах Харбина и Шанхая. Первое время она бойко шла в продаже, пока не насытила местного рынка. В харбинской частной гимназии Андерса мое “Сибиреведение” было временно принято как учебник по курсу географии в одном из старших классов»⁴. Эта книга стала своеобразным итогом деятельности И.И.Серебрянникова как сибирского областника. Позже, говоря о «Сибиреведении», он отметит: «Этим я как бы сказал эмиграции: посмотрите, какую прекрасную страну мы потеряли в лице нашей родины и, в частности, Сибири, и на всякий случай запомните состояние последней накануне революции»⁵.

В Пекине. В те годы Харбин был почти русским городом. Интересы большинства эмигрантов ограничивались политикой и вопросом, как выжить на чужбине. Серебрянниковы были в числе тех немногих, кого интересовал Китай и его культура. Супругов манила древняя история Китая, хотелось побольше узнать об этой

---

¹ Серебрянников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 48.

² Серебрянников И.И. Сибиреведение: Конспект лекций по сибиреведению, читанных на кооперативных курсах в г. Харбине, в мае—июне 1920 года. Харбин, 1920.

³ Серебрянников И.И. Предисловие // Серебрянников И.И. Сибиреведение. С. 3.

⁴ Серебрянников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 49—50.

⁵ НИА. Серебрянников И.И. Дневник, запись от 27 мая 1946.

экзотической для россиян стране¹. Вскоре представился случай сделать это. В декабре 1920 г. предприниматель В.В.Носач-Носков предложил Александре Николаевне место корректора в типографии, взятой им в аренду у Русской православной миссии в Пекине. Нашлась работа и для Ивана Иннокентьевича — он стал заведующим типографией. Здесь печатался и журнал «Русское обозрение», в котором Александра Николаевна смогла опубликовать свою работу «Восстание поляков за Байкалом в 1866 г.»², а И.И.Серебрянников — ряд своих статей. Узнав о новом назначении А.Н.Серебрянниковой, профессор Г.К.Гинс обратился к ней с просьбой проследить за корректурой его книги «Сибирь, Союзники, Колчак», которая печаталась в этой типографии.

Сразу же после переезда Серебрянниковы начали осмотр достопримечательностей Пекина — «хотелось скорее начать знакомиться со столицей Китая»³. Они совершили множество экскурсий, которые позволили И.И.Серебрянникову составить первый путеводитель по Пекину на русском языке⁴. Эта небольшая книжка пользовалась большой популярностью среди русских туристов. Изучая историю китаеведения, Серебрянников познакомился с русскими востоковедами, жившими тогда в Пекине. У опытных китаеведов он хотел получить информацию о Китае, необходимую ему для научной работы. «Насколько я мог наблюдать, — писал он впоследствии, — работа русских синологов в Пекине велась преимущественно, если можно так выразиться, по словарной линии. Составление словарей с добавлением в них новых китайских иероглифов, вызванных в жизнь тем, что мы могли бы назвать европеизацией Китая и его политико-юридическим развитием, — вот что интересовало главным образом наших синологов. [...] За исключением И.П.Митрофанова, почти никто из пекинских русских синологов не уделял внимания вопросам экономического изучения Китая, его этнографии и истории»⁵. Вероятно, это и стало причиной увлечения Серебрянникова этими направлениями в китаеведении. Овладев начальными знаниями, он стал регулярно читать соответствующую литературу на английском языке.

«Албазинцы». В типографии И.И.Серебрянникова работали китайцы, называвшие себя албазинцами. «Я не раз беседовал с ними, — вспоминал он, — стараясь узнать, не сохранились ли у них какие-либо семейные предания относительно их русского происхождения, выхода из Сибири и первых лет жизни в Китае, но не получил на свои расспросы интересующих меня сведений»⁶. Поискам истины помогла библиотека миссии. Некоторые переводы из старинных китайских

---

¹ Серебрянников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 63.

² Серебрянникова А.Н. Восстание поляков за Байкалом в 1866 г. // Рус. обозрение. 1920. Дек. С. 152—182.

³ Серебрянников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 75.

⁴ Русский путеводитель по Пекину и его окрестностям / Russian Guide to Peking and Neighborhood / Изд. для туристов; Сост. И.И.Серебрянников. Пекин: Тип. Рус. духовной миссии, 1923.

⁵ Серебрянников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 81—82.

⁶ Серебрянников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 150.

изданий сделали для него сами албазинцы. Так Серебренников начал исследование русских страниц в истории Китая.

«Среди многомиллионного населения Китайской республики, — писал он, — можно отыскать небольшую горсточку людей, которые называют себя “албазинцами”. Это потомки русских, по капризу судьбы более двухсот лет тому назад поселившихся в Пекине, столице Небесной империи, в количестве нескольких десятков человек. Мы, русские, мало знаем об албазинцах, этих потомках завоевателей Приамурья, не знаем обстоятельств их вселения в Китай и мало что слышали об их бытие-жизне на чужбине. Теперь, когда судьба закинула в пределы Китая так много русских, укрывающихся здесь от бурь революции, и когда некоторых из русских беженцев судьба связала общей культурной работой с албазинцами, будет далеко не лишним посвятить последним несколько печатных строк»¹. В судьбе албазинцев И.И.Серебренников увидел как в зеркале отражение недавних трагических событий, которые привели к массовому переселению в Китай русских людей. Историей албазинцев Серебренников будет заниматься и в дальнейшем². Особенно интересными в его исследовании являются сведения о последних годах деятельности так называемой Русской роты в Пекине, в которой служили албазинцы.

Весной 1921 г. издательство, в котором работали Серебренниковы, прекратило свое существование, но супруги остались в Миссии: в начале 1922 г. И.И.Серебренников по просьбе архиепископа Иннокентия возобновил издание журнала «Китайский Благовестник», напечатав в нем и свою статью «Албазинцы». Через несколько лет он перевел ее на английский язык и опубликовал в шанхайском журнале³. Сотрудничество с «Китайским Благовестником» Серебренников продолжал в течение многих лет.

В поисках новых занятий. В январе 1922 г. Серебренниковых стала беспокоить хроническая задержка зарплаты и перспектива вообще остаться без нее. Иван Иннокентьевич решил принять предложение баронессы М.Д.Фитингоф и переехать в Тяньцзинь, чтобы подготовиться к выпускным экзаменам ее старшего сына, а затем позаниматься и с младшим. Александра Николаевна оставалась в Пекине.

В апреле 1922 г. И.И.Серебренников побывал в Харбине, где его ученик сдавал экзамены. Он провел там два месяца, успев повидать всех друзей и знакомых. В это время на КВЖД готовились торжественно отметить 25-летие со дня открытия дороги. Военному юристу Е.Х.Нилусу было поручено подготовить исторический обзор⁴, и тот, встретившись с И.И.Серебренниковым, предложил ему обработать некоторые материалы. Серебренников согласился⁵. Поступило и другое предложение, от редактора «Русского голоса»

---

¹ Серебренников И.И. Албазинцы. Харбин: Тип. «Свет», 1920. С. 13.

² НИЛА. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 23 сент. 1932.

³ The China Journal. 1932. July.

⁴ Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги, 1896—1923 гг. Т. 1. Харбин: Тип. Кит. Вост. ж.д. и т-ва «Озо», 1923.

⁵ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925—31): Рукоп. Л. 344.

С.В.Востротина – написать рецензию на книгу, посвященную экономике Северной Маньчжурии и КВЖД, только что вышедшую в Харбине¹. Авторы этого сборника неоднозначно восприняли критику, но И.И.Серебрянников всегда старался высказывать свое мнение невзирая на лица. Почему Серебрянниковы не остались жить в Харбине? Причин тому было несколько. Во-первых, в столице КВЖД наблюдалась большая конкуренция среди преподавателей, и Серебрянниковым было бы трудно найти заработок. Кроме того, беженцы в Харбине испытывали большой идеологический пресс со стороны деятелей русской эмиграции, и там существовала серьезная опасность появления советских войск, что в конечном итоге и произошло.

Книжный магазин и библиотека Серебрянниковых. Тяньцзинь был третьим в Китае городом по количеству русских жителей после Харбина и Шанхая. В свое время там располагалась большая Русская концессия, и работало консульство Российской империи, закрытое в сентябре 1920 г. Русские эмигранты Тяньцзиня предпочитали жить на территории иностранных концессий, где было гораздо спокойнее, чем в других частях города.

Когда И.И.Серебрянникову предложили должность директора Тяньцзиньского общественного коммерческого училища, супруги решили окончательно переехать в этот город. «Программа училища, – писал Серебрянников, – представляла собою сколок с программы Харбинского железнодорожного училища и была очень обширна. В училище были детский сад, младший и старший подготовительные классы и первые пять классов»². Большое внимание в нем уделялось изучению английского языка. И.И.Серебрянников преподавал в училище востоковедение.

В начале 1922 г. на тяньцзиньском вокзале И.И.Серебрянников встретился с профессором Г.К.Гинсом, предложившим взять на комиссию книжные новинки из его магазина в Харбине. Вскоре с этим же предложением обратился Г.Г.Тельберг из Циндао, с которым Серебрянников был хорошо знаком еще в Иркутске. Иван Иннокентьевич согласился и... вскоре открыл собственный магазин. «Книги продолжали накапливаться все в большем и большем количестве, – вспоминал он, – к весне 1923 года мы с женой решили поселиться где-либо в центре русского расселения в Тяньцзине и, после недолгих поисков, сняли себе две комнаты в одной из дешевых квартир по Конзис-род на Британской концессии. Одну комнату мы приспособили для жилья, а в другой, выходящей окнами на улицу, устроили книжный магазин. Я заказал столяру полки для книг, сам смастерил небольшую вывеску, которую прикрепил к наружным дверям квартиры, и, таким образом, открылась моя книготорговля»³.

Осенью того же года Серебрянниковы открыли и частную библиотеку, которая в первое время насчитывала всего 70 книг. Заботы о

---

¹ Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога: Сб. / Сост. Экон. бюро КВЖД. Харбин: Изд. Экон. бюро, 1922.

² Серебрянников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 172.

³ Там же. С. 199.

ней легли на плечи Александры Николаевны. «Число абонентов у нас быстро увеличивалось, — записано в дневнике, — и стало приближаться к 200. По составу своему читающая у нас публика была весьма разнообразна [...] Старые русские книги, изданные в дореволюционное время, я скупал у русских беженцев небольшими партиями, книг 6—10. Английские державные книги, почти исключительно беллетристику, я покупал по дешевке в китайских комиссионных магазинах по Таку-род, обходя эти магазины примерно раз в неделю»¹.

В январе 1925 г. Серебренниковы купили квартиру на Дикинсон-род, торговом центре русской общины в Тяньцзине, став владельцами собственного жилья и небольшого предприятия в Китае. В двух просторных комнатах на нижнем этаже разместились библиотека с магазином. На двери появилась вывеска «Платная библиотека И.И.Серебренникова. Продажа книг». Две такие же комнаты находились на втором этаже, там же были кухня с ванной и еще две небольшие комнаты, которые сдавались. Жизнь постепенно входила в спокойное русло. На должность библиотекаря Серебренников пригласил бывшего генерала Оренбургского казачьего войска Н.П.Карнаухова, также помогали супруги Сизовы. «Мы с женой, — писал Серебренников, — имели теперь много работы и были довольны тем, что созданное нами предприятие имело успех: число абонентов библиотски неизменно возрастало, продажа книг увеличивалась. Это наше молодое предприятие могло уже теперь обеспечить некоторый заработок и трем нуждающимся русским людям. Довольны мы были и тем, что наша новая квартира была на Британской концессии — мы на этой концессии чувствовали себя живущими не столько в Китае, сколько в некоем уголке Британской империи. Мы знали, что к нам, в нашу квартиру, никогда не посмест войти ни один полицейский чин, если мы не позовем его сами, что нам обеспечена, по английскому закону, неприкосновенность личности и жилища»². Важным было и то, что предприятия на Британской концессии не облагались налогом. Работы было так много, что вскоре Иван Иннокентьевич оставил преподавание в училище и полностью посвятил себя магазину.

Серебренников получал книги от оптовиков в Харбине и Циндао. В основном это была литература, увидевшая свет в Риге, Берлине, Праге и Париже. Покупал он и советские издания — переводную художественную литературу. Большим достоинством магазина Серебренниковых было то, что здесь предлагали наиболее богатый, лучший в Китае выбор русской детской литературы. Летом 1925 г. через магазин Серебренниковых начал распродавать свою богатую коллекцию марок бывший начальник пекинского отдела правления КВЖД Р.И.Барбье. Когда в Пекине скончался востоковед-библиофил Н.И.Осипов, Серебренников стал продавать книги из его библиотеки.

Читательские вкусы русских тяньцзиньцев были разнообразны. «По составу своему, — писал Серебренников, — читающая публи-

---

¹ НИА. Serebrennikov I.I., box 10.

² НИА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925—31): Рукоп. Л. 3.

ка была весьма разнообразна: учащаяся молодежь, коммерсанты, служащие различных предприятий, бывшие Российские консулы и, в большом количестве, девицы из кабаре и баров, музыканты и т.д. Постоянно присутствуя в библиотеке, жена могла отметить одну характерную особенность: почти все абоненты не любили выбирать книги по каталогам, а всегда обращались к жене с просьбой: «Пожалуйста, выберите мне книгу по Вашему вкусу!» И жена, быстро ознакомившись со склонностями наших читателей, отлично умела угодить всем: одним, большей частью дамам, предлагала романы Бебутовой, Крыжановской, Лаппо-Данилевской; другим — классиков; третьим — лучшие произведения иностранной литературы; четвертым — книги философского или политического характера¹. Это всем нравилось, и число читателей быстро росло.

И.И.Серебренников был большим почитателем шахматной игры. Он постоянно играл в шахматы с Н.А.Желудковым, М.Я.Перцелем, Ф.П.Романовым и др. Вскоре при его библиотеке открылся и Шахматный клуб, в который записалось около 20 человек². Они собирались дважды в неделю и играли с 9 часов вечера до 2 ночи. Иногда такие встречи продолжались до утра.

Встречи гостей из Советской России. Серебренниковы не боялись гостей из Советской России, напротив, они искали встреч с интересными людьми. Так, летом 1925 г. они познакомились с видным общественным деятелем из Якутии А.А.Семеновым, который посоветовал Александре Николаевне написать шутливую пьесу «Иванов Павел в Тяньцзинь»³. Впоследствии эта пьеса не раз с успехом ставилась на любительской сцене в этом городе⁴. В том же 1925 г. в магазин Серебренникова зашел известный путешественник П.К.Козлов, с которым до этого он несколько раз виделся в Иркутске. Позднее Иван Иннокентьевич вспоминал: «Мы радостно встретились с П.К.Козловым. Он немного постарел и был одет, можно сказать, по-советски: на нем был глухой френч и высокие сапоги, каковые мы уж совсем отвыкли видеть здесь. П.К. рассказал мне кое-что из своей жизни за революционные годы, о своих новых археологических открытиях в Монголии и расспросил меня о моем пребывании в Китае. По моей просьбе, П.К.Козлов оставил мне на память свой автограф, написав на почтовой открытке следующее: «20/V 1925. Счастлиное утро: высокое удовольствие — в Тяньцзине, среди громадных, европейских домов встретить научный уют — библиотеку русскую и своих родных соотечественников, в частности, Ив. Инн. Серебренникова. П.Козлов»⁵.

---

¹ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Наше предприятие). Л. 7–8.

² НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Шахматный клуб). Л. 42–44.

³ Б.К. Иванов Павел в Тяньцзине // Вестн. Рус. нац. общины в Тяньцзине. 1929. 7 янв. С. 5.

⁴ См. об этом: НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. («Иванов Павел»). Л. 184–185.

⁵ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 23.

И.И.Серебренников вел переписку с профессором Н.Н.Козьминым и другими иркутскими исследователями, поддерживал связь с Иркутским университетом, отправляя туда книги. В частности, он переслал в дар университетской библиотеке около десяти самых редких экземпляров из собрания востоковеда Н.И.Осипова. Весной 1926 г. Серебренников получил приглашение на празднование 75-летия со дня основания Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Его очень тронуло это внимание. Конечно, он не мог поехать, но отправил приветственный адрес, который зачитали на торжественном заседании. Иркутяне, в свою очередь, отправили Серебренникову свои издания. Особенно ему понравился очерк В.С.Манассеина, в котором упоминалось его имя¹. Чуть позже связь с родиной оборвалась, Серебренниковым даже посоветовали прекратить переписку с родственниками из Иркутска.

Научно-общественная деятельность. В Тяньцзине Серебренниковы сразу же окунулись в общественную и литературную жизнь города. Прирожденный лектор, И.И.Серебренников прочитал там немало обзорных лекций, среди них — «Экономическое обозрение СССР», «Народные поверья китайцев», «Шаманизм в Китае», «Тихоокеанская проблема», «Примитивы цивилизации» и др. Желание сплотить единомышленников привело Серебренникова к решению основать свой научный кружок, куда вошли зоолог и натуралист Б.П.Яковлев, ботаник И.В.Козлов, геолог П.А.Павлов и антрополог Г.П.Кожеуров. Кружок распался, просуществовав около двух месяцев. Недолгим было и сотрудничество с Обществом изучения Китая, которое издавало журнал «Вестник Китая». Борьба за существование ограничивала многие культурные инициативы российской эмиграции. Но исследовательскую работу И.И.Серебренников не прекращал. Итогом его интереса к экономике Китая стало появление в журнале «Вестник Азии» большого «Очерка экономической географии Китая»². «Автор настоящего труда, — писал И.И.Серебренников, — не является специалистом-востоковедом, проживает в Китае случайно, лишен здесь научной обстановки, и поэтому он заранее просит о снисхождении, если в его труде специалистами будут замечены какие-либо промахи, неточности и погрешности. Вместе с тем, автор считает появление в печати своего труда по экономике Китая вполне целесообразным, особенно в данное время, когда так называемый тихоокеанский вопрос привлекает к себе внимание цивилизованного мира, и когда освежить наши знания по экономике одной из больших тихоокеанских держав будет более, чем своевременно»³. Истоки этой работы можно найти еще в 1921 г., когда Серебренников написал очерк «Экономическое

---

¹ Манассеин В.С. Очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по изучению истории Восточно-Сибирского края и по охране памятников местной старины (1851—1926). Иркутск, 1926.

² Серебренников И.И. Очерк экономической географии Китая. Харбин: Изд. ОРО, 1926.

³ Серебренников И.И. Предисловие // Серебренников И.И. Очерк экономической географии Китая. Харбин: Изд. ОРО, 1926. С. 3.

положение Северной Маньчжурии»¹. Некоторое время эту книгу использовали в качестве учебного пособия на восточном факультете Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке². В автобиографии Иван Иннокентьевич отмечал: «Состоя директором и преподавателем коммерческого училища, имея частную педагогическую практику, будучи владельцем книжного магазина, И.И. не мог уделять много времени литературным своим занятиям, но все же не бросал таковых и посвящал свои досуги экономическому изучению Китая, пользуясь для этого английскими источниками»³.

Попытка уехать в Европу. Когда Серебренниковы поняли, что падения Советской власти не дожидаться, они решили уехать в Европу. В Китае им уже было тесно. Бегство из России в чешском вагоне, знакомство с чешским языком склоняли их к мысли осесть в Чехословакии. 28 февраля 1927 г. они продали свое книжное дело супругам Козулиным. К этому времени их собрание насчитывало 1400 книг, из них 200 на английском языке. Позднее эта библиотека, сменив трех владельцев, была перевезена Е.Е. Борисовым в Шанхай, где просуществовала до 1946 г. К этому времени на ее полках стояло более 12 тысяч книг.

Перед дальней дорогой Серебренниковы решили подлечиться, тем более что оба стали испытывать проблемы со здоровьем. Но, проведя лето в курортных местах — Дайрене и Танканцзы, — супруги раздумали перебираться в Европу и вернулись в Тяньцзинь. По пути домой И.И.Серебренников познакомился с американским журналистом В.Чемберлином. «Я вручил ему свою карточку, и между нами сразу же завязался оживленный разговор; но он не мог долго продолжаться, ибо поезд наш стал уже подходить к Тяньцзиню. Я сказал Чемберлину, где я полагаю остановиться, и просил его непременно зайти ко мне вечером побеседовать. Он обещал сделать это и исполнил свое обещание: ровно в 9 часов, в день нашей встречи, он уже сидел у меня в гостях, и между нами опять шла живая беседа все о том же — об этом загадочном сфинксе, имя которого — Советское государство. Я, что называется, впился в своего собеседника, засыпал его вопросами и с жадностью слушал каждое его слово»⁴. Это общение, которое продолжалось и в дальнейшем, было интересно и для американского журналиста, который хотел понять причины основания Советской власти.

Снова в Тяньцзине. В Тяньцзине Серебренниковы вернулись к преподавательской деятельности. Если раньше русские в основном просто учились грамоте, то теперь среди учеников Серебренниковых стали преобладать учащиеся тяньцзиньских иностранных коллед-

---

¹ Серебренников И.И. И.И.Серебренников: Биография. Тяньцзинь: Изд. авт., 1940. С. 12.

² НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Литературные занятия). Л. 48.

³ Серебренников И.И. И.И.Серебренников: Биография. Тяньцзинь: Изд. авт., 1940. С. 13–14.

⁴ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Встреча с журналистом). Л. 137.

жей. Иван Иннокентьевич занимался репетиторством по математике (арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия). Александра Николаевна – по русскому языку и литературе, позднее она стала вести занятия и по английскому языку. А.Н.Серебренникова считалась лучшей русской учительницей в Тяньцзине. За свою жизнь в Китае Серебренниковы подготовили более сотни школьников к Кембриджским экзаменам. В это время И.И.Серебренников стал членом Совета старейшин Русского общественного собрания в Тяньцзине, основав при нем библиотеку. Был он также одним из учредителей Русской национальной общины Тяньцзиня и редактором ее «Вестника», первый номер которого вышел 13 августа 1928 г.¹ Иван Иннокентьевич хорошо понимал, насколько важна для русских в Китае периодическая печать, и в этой деятельности наиболее ярко проявился его талант редактора и журналиста. От имени редакции он писал: «Приступая к изданию своей еженедельной газеты, Русская национальная община г. Тяньцзиня ставит перед собой задачи дальнейшего развития и укрепления дела единения местной русской эмигрантской колонии, освещения стоящих перед нею нужд и запросов и осведомления о текущих событиях, могущих иметь местный или общий интерес»². В штате газеты состояло всего трое человек: супруги Серебренниковы, не получавшие за свой труд никакого вознаграждения, и бывший полковник М.А.Михайлов. Газета печаталась в типографии «Чили-пресс» на Французской концессии и выходила по понедельникам. Это было насыщенное издание. В каждом номере имелись передовица, обзорная статья на эмигрантские темы, новости из Советской России и Сибири, библиографические заметки и шахматный раздел. Любопытным был раздел «Местная хроника». Почти в каждом номере Серебренников печатал «Маленькие фельетоны» под псевдонимом «Старый харбинец». Публикации, посвященные мировым событиям, порой вызывали нарекания читателей, которые больше тяготели к местным новостям³.

Серебренников надеялся, что «газета, устоявшись, может превратиться из еженедельной в ежедневную и стать истинно эмигрантским органом»⁴, но работа по изданию «Вестника» оказалась слишком напряженной, а порой и неблагодарной. И.И.Серебренников прекратил выпуск газеты, издав 27 номеров. Некоторое время спустя, почувствовав ухудшение здоровья, он решил совсем отойти от общественной деятельности, чтобы целиком посвятить себя научной работе: «Я решил: пусть привыкают к общественной работе представители младших поколений русской эмиграции – я с охотой уступил им до-

---

¹ Комплект подшивки этой газеты, которую собирал И.И.Серебренников, находится в библиотеке Гамильтон Гавайского университета (Hamilton Library, University of Hawaii). Отдельные экземпляры в HILA.

² Объединение эмиграции // Вестн. Рус. нац. общины в Тяньцзине. 1928. 13 авг.

³ Нашим читателям // Вестн. Рус. нац. общины в Тяньцзине. 1928. 26 нояб.

⁴ HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Эмигрантская газета). Л. 179.

⁵ HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Уход от общественной деятельности). Л. 186.

рогу»⁵. В ноябре 1932 г. вышел последний — 34-й номер «Вестника». По этому поводу Серебренников писал: «Я старался сделать ее (газету. — А.Х.) чисто эмигрантским органом, освещающим нужды, дела и успехи русской эмиграции за границей. К сожалению, мое начинание встретило большую оппозицию: стали говорить — зачем общине тратить деньги на газету. Это роскошь; лучше накормить на эти деньги лишних бедняков... и т.д. При мне газета выходила раз в неделю, теперь она появляется раз—два в год. Все же появляется, значит, существует. Обычно она появляется перед советским праздником 7 ноября. Теперь она вышла к 15-летнему юбилею советчины»¹.

Сохранить потомкам. Анализируя события, происходившие в России во время революции и Гражданской войны, Серебренников обратил внимание на то, как мало документов сохранилось об этом времени. Даже те немногие, которые уцелели, постепенно уничтожались. В свое время в Иркутске он приложил немало сил, чтобы сохранить документы, посвященные Первой мировой войне. Эту же идею он думал реализовать и в Китае. «В поисках какой-нибудь опоры для научной работы, — вспоминал Иван Иннокентьевич, — я надумал связаться с Национальным Географическим обществом в Америке и написал в адрес этого общества, в Вашингтон, большое письмо. Не буду говорить о деталях этого письма, скажу только: в нем я сообщал, что в настоящее время русские беженцы рассеяны по всему Китаю, что таковые имеются в отдаленных уголках и Маньчжурии, и Корси, и Внутренней Монголии, и в Китайском Туркестане, и близ границ Тибета и собственно Китая. Среди этих русских беженцев немало лиц со средним и высшим образованием и даже со специальной подготовкой к научным занятиям (восточники). Я указал далее, что можно было бы воспользоваться этим рассеянием здесь русских с целью сбора некоторых научных материалов: фотографических, ботанических и этнографических, и что для этого нужны средства и некий организующий центр, каковой я берусь создать.

Я получил ответ, в котором мне сообщалось, что возбужденный мною вопрос передан на рассмотрение такого-то отдела Общества — и на этом все дело закончилось. Оглядываясь теперь на прошлое, я не могу понять, почему Национальное Географическое общество не приняло моего предложения. В нем не было ничего утопического. Оно было вполне осуществимо и не требовало больших затрат. Не воспользовавшись моей идеей, Общество лишило меня интересной работы, а себя — интересных коллекций»².

Одновременно с документами о Гражданской войне и эмиграции И.И.Серебренников предлагал собирать материалы и по китаеведению. Несмотря на то что откликов почти не последовало, Иван Иннокентьевич стал сам коллекционировать фотографии. Многие снимки он делал сам аппаратом «Кодак», купленным в 1921 г. в Пекине. За годы эмиграции Серебренниковыми было собрано около 30 фотоальбомов, которые помогали им иллюстрировать их работы.

¹ HILA. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 3 ноября 1932.

² HILA. Serebrennikov I.I., box 10.

Серебренников сетовал, что его проекты по сбору документальных материалов и по использованию специалистов русской эмиграции в Китае очень редко получали осуществление, и не по его вине.

Связи с земляками в зарубежье. Деятелей сибирского областничества разбросало по всему свету, но они продолжали общаться друг с другом. Поэтому выход в свет первого номера журнала «Вольная Сибирь», напечатанного в 1927 г. в Праге, был встречен с воодушевлением. Обрадованный Серебренников написал письмо редактору И.А.Якушеву, которого хорошо знал по совместной деятельности в Иркутске. В ответ тот предложил ему прислать для журнала рукопись.

И.И.Серебренников вел переписку с Г.Д.Гребенщиковым из Америки и Г.И.Чертковым из Японии. Последний помог ему издать на японском языке статью «К пересмотру сибирских вопросов». Ее опубликовал токийский журнал «Сибирь» в 1928 г. Вскоре вышла другая статья. На новые предложения Серебренникова о сотрудничестве Чертков ответил: «Ваши статьи носят антибольшевистский характер, а такого рода статьи здесь можно помещать только в небольших и небогатых органах прессы. Большие буржуазные богатые издания избегают печатать подобные статьи»¹.

В 1928 г. И.И.Серебренников принял предложение стать на общественных началах представителем Русского заграничного исторического архива (РЗИА), находящегося в Праге. Туда он стал отправлять все эмигрантские издания и рукописные материалы, касающиеся революции и Гражданской войны на Дальнем Востоке. В этот архив он переслал безвозмездно и львиную долю своего личного собрания². Он писал в июле 1931 г. в Прагу: «Письма сдаю на хранение в Р.З.И.Архив на срок не менее пяти лет. По истечении этого срока, если в России будет установлен нормально-правовой государственный строй, Р.З.И.Архив обязуется переслать за свой счет мой личный архив в Сибирь, в г. Иркутск, в распоряжение Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества»³. Из-за болезни И.И.Серебренникова с 1 июля 1938 г. его обязанности представителя архива стала выполнять Александра Николаевна. Забегая вперед, надо отметить, что Пражский архив в 1945 г. перевезли в Москву. В одной из своих записей Иван Иннокентьевич писал, что он не возражает против того, чтобы его архив оказался в Москве. Ему всегда хотелось, чтобы как можно больше людей могло познакомиться с его собранием. Думается, он понимал, что в то время увидеть его коллекцию могли очень немногие.

Сотрудничество с Гуверовским институтом. Тогда же началось сотрудничество И.И.Серебренникова с Гуверовским институтом войны и мира. Адрес этой организации он узнал у переводчика В.О.Клемма, который переводил в Пекине на английский язык

---

¹ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Цит. по: Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Связи с Прагой и Токио). Л. 164.

² НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. См. об этом: Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Русский загранич. историч. архив). Л. 182–183.

³ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Письмо в Вашингтон). Л. 164.

воспоминания бывшего управляющего КВЖД Д.Л.Хорвата. «Я тотчас же, — вспоминал Серебренников, — написал письмо проф. Фишеру, с предложением своих услуг по собиранию интересующих его материалов и получил любезный ответ, причем профессор указал, что его, в частности, интересуют в данный момент материалы по истории Гражданской войны в Сибири. Это письмо внушило мне мысль засесть за составление моих мемуаров о годах революции и Гражданской войны в Сибири (1917—1919 гг.). В дальнейшем времени у нас завязалась регулярная переписка, продолжавшаяся до самого вступления Америки в войну с Японией, т.е. до конца 1941 г. Если я не ошибаюсь, уже летом 1929 года я обработал имевшиеся у меня материалы по советизации Внешней Монголии и написал статью на эту тему. Эту статью я сам перевел на английский язык, и, после того, как она прошла стилистическую корректуру моего приятеля мистера Мора, я отправил ее в Америку, в адрес профессора Фишера, с просьбой устроить ее где-нибудь в американской прессе. В результате его любезного содействия статья моя, в несколько сокращенном виде, была напечатана в нью-йоркском журнале “Foreign Affairs”, выходявшем четыре раза в год. Я получил затем два экземпляра этой книги (апрель 1931 г.) и чек на 75 американских долларов»¹. Это была первая статья Серебренникова, опубликованная на английском языке.

Американские ученые. И.И.Серебренников искал всякую возможность расширить сотрудничество с коллегами в других странах. Он знал многих, кто интересовался Китаем, изучал Сибирь и Дальний Восток. Всем им Иван Иннокентьевич оказывал большую помощь. Осенью 1930 г. Серебренников познакомился с профессором Мичиганского университета Ч.Ф.Ремером, «который объяснил мне, что он в настоящее время ведет обширное исследование на тему об инвестировании иностранных капиталов в Китае, и что он собрал уже достаточно полные материалы об американских, французских, японских, бельгийских и иных капиталах, кроме русского. Он не знает русского языка и русской экономической литературы, и потому его сильно затрудняет вопрос об инвестировании русского капитала в Китае; не смогу ли я помочь ему в этом отношении? Я ответил, что в Тяньцзине за отсутствием справочной литературы трудно выполнить вообще подобного рода работу, это во-первых; во-вторых, насколько я знаю, в русской экономической и синологической литературе не имеется исследований на интересующую профессора тему, и поэтому являются большие затруднения, но я могу все же попытаться выполнить его задание, если он даст мне, в письменном виде, желательную для него схему»².

Поскольку И.И.Серебренников всегда старался тщательно анализировать взаимоотношения России, Китая, Японии и других стран,

---

¹ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925—31): Рукоп. (Связи с Америкой). Л. 190—191.

² НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925—31): Рукоп. (Профессор Ремер). Л. 236.

³ Серебренников И.И. Тихоокеанская проблема с экономической точки зрения // Вольная Сибирь. 1930. № 9. С. 47—63.

обращая при этом внимание на роль российской эмиграции³, он блестяще справился и с новой трудной задачей. В монографии Ремера появился соответствующий раздел со ссылкой на русского исследователя¹. Свои материалы И.И.Серебрянников опубликовал на русском языке в шанхайском журнале «Парус» в конце 1933 г., назвав статью «Русские интересы в Китае». Затем ее напечатали отдельной брошюрой тиражом 200 экземпляров².

Большую исследовательскую работу И.И.Серебрянников проделал для профессора Йельского университета Ч.П.Хоуланда. Он также переписывался с ученым из Института тихоокеанских связей Э.К.Картером, профессором экономики Э.М.Паттерсоном и другими.

Жизнь в эмиграции: близкие и друзья. В своем дневнике И.И.Серебрянников оставил такую запись: «Жить скучно. Будто и на людях, а чувствуешь себя, как в пустыне. Я не имею в Тяньцзине ни одного близкого мне человека, друга, товарища. От эмиграции в массе я далек, как не близок и к ее общественным руководителям. Все эти руководители — болотные, заскорузлые люди: ни о чем с ними не поговорить, не поспорить. Для многих из них ясна первопричина всего случившегося: все устроили жида или масоны, или те и другие вместе. Для таковых я, конечно, социалист и потому человек мало приглядный»³. По этой причине Серебрянниковы ограничивали общение весьма тесным кругом людей, которые поддерживали их в трудную минуту и помогали коротать время.

Интересными собеседниками Иван Иннокентьевич считал католического священника и поэта Д.В.Колпинского, ботаника и краеведа И.В.Козлова. Довольно часто Серебрянниковы слушали пластинки у Е.Е.Борисова, служащего Китайской таможни. К ним часто заглядывали семейные пары З.И. и И.Я. Антуфьевы, Н.А. и И.Н. Головки-Улазовские, О.П. и Н.Ф. Злоказовы, Е.Н. и В.Н. Лавдовские. Политические пристрастия связывали И.И.Серебрянникова с А.А.Пуриным, Г.А.Чертковым, Е.Е.Яшновым, которые часто останавливались у него в доме.

Блиzkих друзей Иван Иннокентьевич не имел, более общительной была Александра Николаевна. Ее близкими подругами были Е.С.Курбатова и Е.В.Амбразанцева, вышедшая замуж за друга их семьи Л.Н.Кукуранова. Их молодая квартирантка Лида Страндберг (урожд. Колчанова) скрасила немало минут одиночества. Бывая в Пекине, Серебрянниковы обязательно встречались со О.Л. и Я.Ф. Зверевыми. И.И.Серебрянников часто беседовал также с профессором И.Н.Веревкиным, бывшим генералом, ставшим бухгалтером С.Н.Розановым и др.

Несмотря на то что И.И.Серебрянников допускал резкие замечания по поводу политических пристрастий некоторых евреев — выходцев из России, у него было немало друзей из еврейской общины: супруги М.Я. и В.М. Перцель и многие другие.

¹ Remer C.F. Russian Investments in China // Remer C.F. Foreign Investments in China. New York: The Macmillan Company, 1933. P. 554–618.

² HILA. Serebrennikov I.I., box 6, folder 51. Письмо редактора Д.Густова от 3 января 1934.

³ HILA. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 21 апреля 1932.

Просветительство. Занятия с учениками, как и общественная деятельность, не занимали много времени, и Серебренниковы имели возможность посвящать себя журналистике. В этой работе они видели возможность выйти на новый уровень просветительства. На первых порах печататься было трудно. По мнению И.И.Серебренникова, дальневосточным авторам было невозможно пробиться в русские издания Европы. С недоверием относились к статьям И.И.Серебренникова и в «Заре». Переехав в Тяньцзинь, Серебренников не очень хотел печататься в местной газете «Наш путь», которая при редакторе П.Разумове велась весьма непрофессионально. Его материалы стали появляться в этом издании, лишь начиная с 1927 г., когда редактором стал П.И.Зайцев, а газета пересхала в дом, где жил Серебренников. О своих публикациях Иван Иннокентьевич писал так: «Не знаю, как принимала эти фельетоны публика, но сам я был не очень доволен ими: я чувствовал, что они были написаны мною немножко “под Зощенко”, советского талантливое юмориста, который мне очень нравился. Мне же хотелось в своих фельетонах выбраться на самостоятельную дорогу. Кажется, я напечатал всего до десятка фельетонов под разными псевдонимами»¹.

А.Н.Серебренникова также опубликовала немало статей. Начиная с 1934 г. она читала лекции на курсах Отчествоведения, была членом культурно-просветительской комиссии объединенного Русского эмигрантского комитета. На организованных этой комиссией Литературно-музыкальных «вторниках» она также выступала с лекциями, в основном на темы языкознания и литературоведения: «Об искажениях и словотворчестве в русском языке», «Славянские языки, народы и государства» и др. Большим успехом пользовалась ее лекция, посвященная И.А.Бунину.

Китаеведение. Серебренниковы никогда не говорили о себе как о знатоках Дальнего Востока. Наоборот, они подчеркивали, что их роль сводится к популяризации востоковедения. Публикация статей являлась для Серебренниковых способом донести до эмигрантской общности знания о культуре и истории их новой родины – Китая.

И.И.Серебренников тщательно следил за литературой, старался использовать любую возможность купить или прочитать новую книгу о Китае. Его часто можно было видеть перебирающим книги на книжных развалах. О том, что супруги внимательно прочитывали все купленное, свидетельствует огромное число рецензий, опубликованных ими. И.И.Серебренников увлекался и библиографией. В своей интересной работе «Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине»² он, в частности, использовал библиографию советского китаеведа П.Е.Скачкова. Затем эту статью напечатали отдельным оттиском.

---

¹ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Мои фельетоны). Л. 167. Список псевдонимов И.И.Серебренникова см. в приложении.

² Серебренников И.И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине: Библиогр. очерк // Кит. Благовестник. 1941. № 4. С. 26–42; № 5. С. 31–40; № 6. С. 47–50. С посвящением памяти протопресвитера о. П.Рождественского.

После знакомства с экономикой Китая внимание И.И.Серебрянникова привлекла история религии в этой стране. Разобравшись с основными верованиями китайцев, Иван Иннокентьевич стал обращать внимание на практическую сторону религиозных обычаев, в основном на семейные праздники, что постепенно привело его к этнографическому анализу. Для этого Серебрянников пытался изучать китайский язык. На обзорной лекции, которая состоялась 10 октября 1928 г., Серебрянников поделился своими находками со слушателями, а чуть позже, значительно дополнив лекцию новым материалом, опубликовал ее¹. В ней он рассказывал о чисто народных верованиях, роли злых духов, амулетов и талисманов, иероглифомагии и фольклоре. Через год Серебрянников публикует вторую статью, в предисловии к которой пишет: «Охватить, понять и описать многообразие китайских религиозных воззрений, сложившихся на протяжении многих веков жизни страны, со всем разнообразием чтимых божеств, — задача огромной сложности. Но эта задача может быть значительно облегчена, если из поля зрения исследования выделить как самостоятельный объект познания народный культ и иметь в виду при описании только тех из божеств и мифических духов, которые наиболее занимают народное воображение»². Серебрянников сетовал, что редакция сократила его статью, исключив интересные наблюдения. Выписывая англоязычные газеты, выходившие в Китае, И.И.Серебрянников вырезал интересные, на его взгляд, наблюдения о быте и религиозных предрассудках. Сделав вольные переводы, он опубликовал серию очерков, которые затем были изданы книжным магазином «Знание»³.

История Китая. Увлечшись историей Китая, И.И.Серебрянников стал писать рассказы на китайские темы, которые носили в основном историко-этнографический характер. Первый рассказ этой серии «На поле битвы» увидел свет в 1930 г. на страницах шанхайской газеты «Слово». Потом были напечатаны «В Храме Неба», «Возмездие», «Проделки чуя», «Блуждающие души», «Красные пики», «Свадьба городского бога», «Четырнадцатая наложница» и «Отвошаннос благополучие». Интерес читателей к этим и другим публикациям привел автора к мысли издать их отдельной книгой. В январе 1941 г. издательство «Наше знание» напечатало этот труд И.И.Серебрянникова под названием «К истории Азии». Это был сборник очерков, статей и рассказов из истории Китая, Маньчжурии, Монголии и Сибири, написанных в разное время и в основном увидевших свет на страницах газеты «Возрождение Азии» в 1938—1940 гг. Автор не претендовал на научность их содержания. Наоборот, он подчеркивал: «Настоящий сборник ставит своей целью популяризацию исторических материалов, накопившихся в русской и иностранной литературе относитель-

---

¹ Серебрянников И.И. Китайские народные поверья // Вестн. Маньчжурии. 1929. № 4. С. 70—80.

² Серебрянников И.И. Миф и религиозный культ Китая (Поверья, обычаи, обряды) // Вестн. Маньчжурии. 1930. № 4. С. 68.

³ Серебрянников И.И. Текущий китайский фольклор и китайские суеверия. Тяньцзинь: Знание, 1932.

но истории Китая и прилегающих к нему стран. Некоторые очерки в сборнике представляют лишь краткие переложения соответствующих работ русских и иностранных авторов; другие носят компилятивный характер, будучи написаны на основании исторических источников; третьи, являясь компилятивными, содержат иногда оригинальные суждения и исторические построения самого автора»¹.

И.И.Серебренников дал нумерацию этой книге — первый том. К сожалению, второй том так и остался в рукописи. Он также мечтал написать для русской эмиграции популярную историю Китая, учебник для востоковедов. В сентябре 1941 г. Иван Иннокентьевич сделал заявку на издание новой книги, которую он назвал «Душа Китая», но и она не увидела свет.

«Великий отход». Встречаясь изо дня в день с участниками Гражданской войны, слушая их рассказы о событиях, которые привели к вынужденному исходу, Иван Иннокентьевич задумал большую работу о последствиях Гражданской войны. Он стал собирать разрозненные материалы, дневники, письма, брать интервью у людей, бывших свидетелями и участниками тех событий. Некоторые записи разговоров разворачивались в целые рукописи. Таким образом, он обработал воспоминания полковника В.Ю.Сокольниковского², Д.П.Першина³, бывшего китайского наемника В.А.Зубца⁴, офицера Оренбургского казачьего войска А.И.Ефимова и многих других. Некоторые из воспоминаний были отправлены в Гумбольдтский институт, другие — в Прагу, часть так и осталась неиспользованной.

В 1936 г. И.И.Серебренников выпустил тиражом 290 экземпляров книгу «Великий отход». В предисловии к ней он написал: «Наша скромная задача — дать лишь некоторый материал для будущих историков русской революции, поставить некоторые вехи для их работы, а главное, опубликовать в печати сведения, относящиеся к трагическому скитанию остатков белых армий по бесконечным пространствам Центральной Азии — сведения, еще мало известные широкой публике. Мы с любовью и охотой выполнили этот труд, чтобы еще лишний раз воскресить в памяти наше, белое, героическое прошлое, выдвигая его блестящие стороны, не скрывая теневых»⁵. Этой работой Иван Иннокентьевич как бы написал обширное предисловие к общей истории русской эмиграции в Китае. Иллюстрациями для книги послужили картины художника-эмигранта П.И.Сафронова, участника этих событий⁶, редкие фотографии и портреты.

---

¹ Серебренников И.И. К истории Азии: Сб. ст., очерков и рассказов из истории Монголии, Маньчжурии и Сибири. Т. 1. Тяньцзинь: Наше знание, 1941. С. [1].

² HILA. Sokolnitskii, V. 1 folder (Кайгородовщина): (Обраб. И.И.Серебренникова).

³ HILA. D.P. Pershin. 3 ms. boxes.

⁴ HILA. Zubets V.A. (На службе в Китайской армии. — Рукоп.): (Обраб. И.И.Серебренниковым). 1 ms. box, 249 с.

⁵ Серебренников И.И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых армий, 1919—1923. Харбин: Изд-во М.В.Зайцева, 1936. С. 6.

⁶ В 1947 г. вместе со своей коллекцией И.И.Серебренников отправит две картины П.И.Сафронова в Гумбольдтский институт.

И.И.Серебренников планировал издать «Великий отход» и на английском языке. Об этом он вел переговоры с пекинским книжным магазином «The Booksellers». К ноябрю 1936 г. В.О.Клемм сделал перевод рукописи. Но по разным причинам осуществить это издание не удалось.

В конце 1936 г. Серебренников сильно заболел, перенес сложную операцию по удалению желчного пузыря, а в середине 1937 г. его разбил паралич. Но и прикованный к постели, он не прервал своей педагогической и литературной деятельности.

Воспоминания. В первые годы жизни на чужбине Серебренников не планировал писать воспоминаний. Но позже, когда улеглись впечатления, он все же занялся этой работой. Первая статья, посвященная его деятельности в Сибирском правительстве, увидела свет в Праге¹. Толчком к этому стала его работа над книгой «Великий отход». Нахлынувшие воспоминания теснили грудь, хотелось высказаться, найти ответы на вопросы: кто прав? кто виноват?

Первый том воспоминаний И.И.Серебренникова посвящен событиям революции и Гражданской войны. «Моя цель, — писал он, — представить в настоящей работе почти в кинематографическом порядке отдельные картины, иногда, быть может, и мало связанные между собою, но особенно ярко запечатлевшиеся в моей памяти или представляющие, с моей точки зрения, тот или иной бытовой интерес. Я не буду делать различия между большими и малыми эпизодами, считая, что и малые эпизоды порою хорошо характеризуют собою ту атмосферу, в которой рождаются крупные события...»²

Второй том воспоминаний вышел в начале декабря 1940 г. В предисловии И.И.Серебренников отметил: «Настоящий том “Моих воспоминаний” представляет непосредственное продолжение тома первого, изданного в начале 1937 г. в Тяньцзине, и содержит описание моего бегства из Сибири в 1920 году, затем скитания мои по городам Северного Китая за последующие три—четыре года и мои первые путевые впечатления от знакомства с новой страной. Конечно, в своих описаниях и повествованиях я уделил много внимания жизни русских эмигрантов, поселившихся в Северном Китае, и их первоначальному устройению здесь. Мне думается, что в таком виде этот том “Моих воспоминаний” может представить, помимо общего интереса, некоторый материал для изучения расселения русской эмиграции в Китае»³.

Иван Иннокентьевич подробно описал свою жизнь в Харбине, Пекине и Тяньцзине. Он постарался органично совместить собственные наблюдения с небольшими, порой энциклопедически лаконичными справками о жизни русских общин в этих городах. Тираж книги составил 400 экземпляров. Из них сто он получил в виде гонорара. Одновременно с работой над воспоминаниями И.И.Серебренников опубликовал ряд статей в русской периодической печати Китая. Библиография его трудов занимает десятки страниц.

¹ Серебренников И.И. К истории Сибирского правительства // Вольная Сибирь. 1929. № 5, прил.: Сиб. архив. (№ 1). С. 5—22.

² Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1. С. 14.

³ Там же. С. [1].

Поэзия. Иван Иннокентьевич обладал аналитическим умом, а Александра Николаевна была отличным стилистом, имела художественный вкус. Неудивительно, что она увлекалась поэзией и с 1937 г. стала заниматься переводами произведений китайских поэтов, опубликованных в английских изданиях. В апреле следующего года начались переговоры с типографией «Идеал-пресс» («Ideal Press») об издании сборника, посвященного китайской поэзии. Деньги на него собрали по предварительной подписке. В августе 1938 г. Серебренниковы сдали рукопись в печать, а в октябре получили 200 экземпляров книги «Цветы китайской поэзии», которая имела большой успех. Типография оформила книгу в китайском стиле: папка была переплетена шелком с костяными застёжками. В предисловии авторы отмечали: «Насколько мы знаем, антология китайской поэзии на русском языке впервые предъявляется вниманию читателя. Мы должны заметить, что, за малыми исключениями, китайские стихотворения и песни были нами переведены белыми стихами, так как это обстоятельство позволяло нам сохранять большую близость к подлинникам. Подлинниками для нас, как не синологов, к сожалению, служили не оригинальные китайские стихи, а переводы их, сделанные английскими, немецкими и французскими переводчиками, отчасти и русские переводы прозой»¹.

Книга получила хорошие отзывы как в Китае, так и в Европе. «Следует отметить высокое достоинство стихотворного перевода, — писал известный поэт Арсений Несмелов, — достоинство несомненное! Как убедился и сам читатель на примере приведенных нами образцов, стих везде выразителен, упруг и ритмически оправдывает тему. Каждому культурному русскому человеку ясно, какое огромное значение может иметь этот труд для нашего понимания сокровенных глубин китайской души. Кроме того, конечно, антология эта является и ценным вкладом в русскую переводную художественную литературу»².

С апреля 1938 г. за скромный гонорар А.Н.Серебренникова стала публиковать свои статьи в газете «Возрождение Азии». Свет увидели «Забывшие поэты», «Русская женщина в мировую войну», исторический рассказ «Полина Гебль», очерки «Вино и Китай», «Дети и детское словотворчество» и многие другие. Кстати, газета отказалась печатать статьи Серебренниковых на политические темы, так как они не были написаны в духе безусловной поддержки японской оккупации Китая.

В этой же газете А.Н.Серебренникова дебютировала со своим стихотворением «Земля родная». Всего она опубликовала около 200 стихотворений, в том числе обработанных ею произведений китайских, японских, корейских, монгольских и тюрко-татарских поэтов. Нередко ее стихи перепечатывались в периодических изданиях Харбина, Шанхая и др. В марте 1942 г. поэтесса приняла участие в конкурсе русских поэтов, где за стихотворение «Зимней ночью» получила четвертую премию.

---

¹ Серебренников И.И. Предисловие // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1. С. 3.

² Несмелов А. Отзыв // Харбин. заря. 1939. 19 янв.

Была у А. Н. Серебренниковой мысль продолжить выпуск поэтических антологий, обратившись на этот раз к японской поэзии. «Имея в своем распоряжении, — писала она, — более 150-ти уже обработанных стихотворений японских поэтов, старинных и современных, я задалась целью выпустить из печати сборник этих стихотворений; это была бы первая антология японской поэзии на русском языке. По соглашению с журналом “Луч Азии”, я отослала готовый для сборника материал в его распоряжение. Но, к сожалению, редакция журнала продержала его около двух лет. Тогда по моей просьбе харбинские друзья передали материал сборника “Из японской поэзии” в журнал “Восточное Обозрение”, выходящий в Дайрене в издательстве Южно-Маньчжурской железной дороги (Минтсцу), и там было решено напечатать этот материал в виде большой статьи в мартовском номере за 1945-й год»¹. Но журнал неожиданно прекратил свое существование, и антология Серебренниковой так и не увидела свет.

Книги на заказ. Мемуарная литература — особый жанр, и не всем удается проявить себя, описывая свои ощущения в прошлом. В Китае было немало людей, которые хотели бы поделиться своими воспоминаниями, но не у всех имелись способности для такой работы. Именно по этой причине к Серебренниковым обратился за помощью известный дальневосточный предприниматель И. В. Кулаев. Его мемуары были написаны очень безграмотно, со множеством ошибок. Серебренниковы занялись их обработкой и подготовкой к печати в 1937 г. и блестяще справились со своей задачей. «Мы можем прочитать в экономических трудах, — писал Серебренников, — что, положим, в Сибири за такие-то годы было добыто столько-то пудов золота, но часто за этими цифрами мы не видим и не чувствуем подлинной жизни, не знаем, сколько горя, страданий, разочарований, разбитых надежд принесли эти годы отдельным сибирским золотопромышленникам и как были вознаграждены, порою совершенно неожиданно, большим золотым потоком немногие счастливые; нам остается неизвестной при этом борьба интересов и страстей, приводившая иногда к преступлениям и судебным процессам. Короче говоря, нам, лицам сторонним от практической жизни, остается неизвестным то, что мы называли бытом этой жизни»². Особенно интересны мысли Кулаева о жизни русской эмиграции. Книга вышла в 1938 г. в Тяньцзине³, но из-за японской оккупации Китая почти весь тираж был уничтожен.

Большую работу проделал И. И. Серебренников по просьбе князя В. И. Гантимурова (1906—1998)⁴. В Китае жило немало представителей

---

¹ HILA. Serebrennikov I. I., box 3.

² Серебренников И. И. Предисловие // Кулаев И. В. Под счастливой звездой: Воспоминания. М.: Рус. путь, 1999. С. 7—8.

³ Кулаев И. В. Под счастливой звездой: Воспоминания / Лит. обработка и предисл. И. И. Серебренникова. Тяньцзинь: Наше знание, 1938.

⁴ Dolgorolova Z. Владимир Иннокентьевич Ган-Тимур. The University of Melbourne, 1987; Дмитриевский Н. И. Памяти князя В. И. Гантимурова // Австралиада. 1998. № 15. С. 27—28.

⁵ Серебренников И. И. Князь Гантимур: Ист. очерк. Шанхай: Изд. В. И. Гантимурова, тип. «Far Eastern Times», 1934.

этой известной семьи, оставившей большой след в истории русского Дальнего Востока. Серебренников стал собирать сведения об этой семье, и в сентябре 1940 г. книга увидела свет⁵.

Во время тихоокеанской войны. Вторая мировая война нарушила уже устоявшуюся жизнь Серебренниковых. Хотя болезнь Ивана Иннокентьевича значительно ограничила их возможности, эмигрантские организации и друзья помогали преодолевать невзгоды. Война прекратила всякие связи с Европой. Несмотря на оккупационный режим и цензуру японских властей, культурно-общественная жизнь русской эмиграции продолжалась. С одной стороны, Центральный антикоммунистический комитет российских эмигрантов в Северном Китае, подобие Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), ограничивал демократические свободы эмигрантов, но с другой – он помогал культурной жизни эмиграции. Именно при его финансовой поддержке были изданы второй том воспоминаний И.И.Серебренникова и его сборник «К истории Азии».

На страницах многих газет и журналов, выходивших в Китае, продолжала мелькать фамилия Серебренниковых. К июлю 1943 г. супруги закончили составление уникального отрывного календаря, который напечатало издательство «Наше знание». В нем было помещено много востоковедческих статей о Японии, Китае, Монголии, Маньчжурии и Сибири, произведения китайской, японской и корейской поэзии, обработанные А.Н.Серебренниковой, кроссворды и шутки. Александра Николаевна подобрала много примеров из русской словесности. За долгие годы педагогической деятельности она собрала большой материал по практической грамматике русского языка, составила оригинальные упражнения по этимологии, а также сборник объяснительных диктантов.

Подведение итогов. И.И.Серебренников несколько раз подводил итоги своей деятельности, в основном к юбилейным датам. Так, в 1940 г., отмечая 20-летие пребывания в эмиграции, он напечатал тиражом 100 экземпляров краткую биографию. В ней юбиляр отмечал: «Все напечатанные труды И.И-ча уже и теперь могут составить до двух десятков томов. Имеются еще, кроме того, и неопубликованные его материалы»¹.

В марте 1941 г. И.И.Серебренников торжественно отметил 40-летний юбилей литературной деятельности. В Тяньцзине образовали комитет для чествования юбиляра. На торжественном заседании выступила Александра Николаевна. Было множество писем и телеграмм из разных уголков Китая, где жили русские. «Почти четверть века, – писал из Пекина знакомый Серебренниковых Я.Ф.Зверев, – как прервалась Ваша работа на ниве нашей Руси, и это время Вы только страдали; страдая, все же находили в себе силы работать для нее. То, что Вы оба оставались верны отчизне, неся за это тяжелый крест, это уже заслуга немалая»². Многие выступления отмечали большую роль А.Н.Серебренниковой. Юбилейные кружки были также организо-

¹ Серебренников И.И. И.И.Серебренников: Биография. С. 18.

² НИЛА. Scrcbrennikov I.I., box 8, folder 47 (Письмо Я.Ф.Зверева от 5 марта 1941).

ваны в Шанхае и Пекине. Не обошли стороной эту дату и русские периодические издания. Журнал «Китайский Благовестник» писал: «О трудах и работе И.И.Серебрянникова можно написать много, и это будет сделано особо, так как размер журнала не позволяет вместить все, что необходимо сказать о его литературной деятельности»¹.

Последние годы в Китае. Окончание Второй мировой войны привело выходцев из России к расслоению на эмигрантов и советских граждан, стал возникать взаимный антагонизм, даже ненависть. Несмотря на то что Серебрянниковы всегда оставались в рядах русских эмигрантов, они не чуждались общения со знакомыми, имевшими советские паспорта, находя этому оправдание.

Русские газеты и журналы почти перестали выходить. В связи с этим перестали публиковаться и Серебрянниковы. Тем не менее Иван Иннокентьевич продолжал работать над воспоминаниями. Одновременно он составил «Занимательную книгу», в которой собрал всякие головоломки, загадки, кроссворды, логические упражнения и т.д. Отсутствие новой литературы Серебрянников восполнил чтением советских изданий — журналов «Огонек», «Смена» и т.д., а в дневниках стали появляться соответствующие критические замечания.

Все это время Иван Иннокентьевич старался ходить понемногу по комнате с помощью костылей, но с декабря 1946 г. он перестал вставать с постели. И все же его интеллектуальная деятельность не прекратилась: он не перестал мечтать о новых книгах, думал через И.К.Окулича, жившего в Канаде, издать второй том «К истории Азии». Одной из его последних важных работ, подготовленной по просьбе Музея русской культуры в Сан-Франциско, была справка об истории периодической печати в Тяньцзине².

В конце декабря 1948 г. Серебрянниковы начали распродавать свое имущество. Часть личной библиотеки они передали еврейскому клубу «Кунст». На следующий год они пожертвовали свою учебную литературу школам и библиотекам русского Тяньцзиня. Была продана квартира, началась тяжелая жизнь на чемоданах. В ожидании разрешения на выезд из Китая Серебрянниковы переезжали из одного отеля в другой.

«Белая бабочка». Иван Иннокентьевич Серебрянников скончался 19 июня 1953 г. в Тяньцзине. Вот как описала его смерть Александра Николаевна: «В среду 17-го [июня 1953 г.] муж не приходил в себя и пробыл без сознания до самой смерти, 19-го, в 12 1/4 часа утра. Я безотлучно была около него, сидела, не раздеваясь, в кресле три ночи, и вместе со мной дежурила Зина, мой верный друг. В пятницу 19-го он стал умирать. Я, Зина и сестра Лиза Курбатова стояли в полном молчании в ногах его постели и следили за его агонией. Вот он стал дышать все тише и реже; потом дыхание остановилось. “Еще не конец, — шепнула мне сестра Лиза, — подожди немного”. Еще два—

¹ К сорокалетию литературной деятельности И.И.Серебрянникова // Кит. благовестник. 1941. № 3 (март). С. 42.

² HILA. Serebrennikov I.I. Дневник, кн. 19. окт. 1948.

³ HILA. Serebrennikov I.I., box 4.

три слабых вдоха долетели до нас, и опять дыхание остановилось. “Конец”, – сказала Лиза. И в этот же миг взвилась из-под изголовья мужа высоко кверху белая бабочка – и исчезла»³.

Позже, приехав в Сан-Франциско, под сокращенным псевдонимом Б.П. (без подписи) А.Н.Серебренникова опубликовала некролог, который закончила такими словами: «Высоко честный и прямой человек, за всю жизнь не сказавший ни слова неправды, Ив.Инн. был необыкновенно добр, и его спокойное, искреннее дружелюбие всегда привлекало к нему сердца всех его знавших. Общительный, гостеприимный, он находил время, среди своих трудов, поддерживать многочисленные знакомства и всегда вносил большое оживление в общество своей добродушной веселостью, остроумием и находчивостью. Никогда, ни в глаза, ни за глаза, Ив.Инн. не говорил ни о ком дурно, всегда был склонен видеть в человеке только лучшее и прощать ему его ошибки. Одним из первых он спешил туда, где требовались помощь, поддержка, участие»¹.

«Америка будет моей третьей родиной». После смерти мужа Александра Николаевна некоторое время прожила в Китае. Через несколько лет она с трудом покинула Китай и 20 января 1955 г. переехала в Европу, а затем в Америку. Все это время она продолжала вести семейный дневник. Вот последние строки: «10 января 1956 г. Утро было ясное, на востоке розовела заря, заря моей новой жизни. Я внутренне горячо поблагодарила Господа за Его помощь мне в достижении моей цели. Автобус шел больше часа до города, я с жадным интересом смотрела по сторонам; мне нравились выкрашенные в белую краску дома Сан-Франциско, придававшие ему светлый, нарядный вид. Деревья и кустарники зеленые, зеленеет трава – какой контраст с холодным Нью-Йорком. На этом я заканчиваю введение моих дневников. Я достигла теперь цели в жизни. Мне больше некуда стремиться “географически”. Америка будет третьей моей родиной. Уже до конца моих дней. Я должна теперь только стараться выполнить те задачи, которые стоят передо мной и ради которых я сюда приехала. Да поможет мне Господь в этом!»²

Задачами, которые ставила перед собой А.Н.Серебренникова, было привести в порядок семейный архив и издать некоторые работы мужа. С первой задачей она блестяще справилась. Издание же работ осуществить не удалось.

В последние годы Александра Николаевна работала корректором в газете «Русская жизнь», которая издавалась в Сан-Франциско. Время от времени на ее страницах появлялись статьи-воспоминания Серебренниковой о жизни в Китае. Она скончалась 12 апреля 1975 г. в Сан-Франциско. В некрологе друзья писали: «Во всех пришедшихся на ее долю трудностях А.Н. сохранила непоколебимое мужество, энергию и бодрость духа. Эти качества она проявила и в последние свои годы, терпеливо перенеся постигшие ее тяжелые недуги и неуклонно продолжая свою литературную деятельность»³.

¹ Б.П. Выдающийся сибиряк: Памяти друга // Рус. жизнь. 1958. 24 июня.

² HILA. Serebrennikov I.I., box 4.

³ К кончине А.Н.Серебренниковой: (Некролог) // Рус. жизнь. 1975. 23 апр.

А. Н. Серебренникова похоронена на Сербском кладбище в Кольме, вблизи Сан-Франциско. Место погребения Ивана Иннокентьевича неизвестно. Уже после отъезда Александры Николаевны из Китая по требованию властей друзья перенесли его прах за город, но вскоре и это кладбище перестало существовать.

И. И. и А. Н. Серебренниковы мечтали о том времени, когда их собрание, накопленное за многие годы, вернется на родину. К сожалению, этого не произошло до сих пор. Но отраднo, что творчество Серебренниковых год от года становится все более известно россиянам¹. Уже опубликованы статьи о жизни Ивана Иннокентьевича Серебренникова², переизданы в России некоторые его произведения³. А сейчас, с изданием дневников, можно говорить о настоящем возвращении супругов Серебренниковых на Родину.

Амир Хисамутдинов

---

¹ Основные публикации И. И. Серебренникова в Сибири и за рубежом // Земля. 1992. 28 дек.

² Хисамутдинов И. И. Серебренниковы из Тяньцзиня // Записки Русской академической группы в США. 1994. V. 26. P. 295–316; Он же. И. И. и А. Н. Серебренниковы – ученые бессребреники // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 154–162 и др.

³ Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход / Сост. и предисл. В. А. Майера. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.